

Рогов Ю. П.

МУЗЫКА НАВСЕГДА

Рогов Ю. П.

МУЗЫКА НАВСЕГДА

Рогов Ю.П.

МУЗЫКА

навсегда

2 0 0 1

Это четвертая книга (первые три вышли в 1992, 1995 и 1998 гг.), представит читателю новые стихи, песни и продолжение воспоминаний (см. книгу 1995 г.).

Основой книги является повествование о музыке, о времени и о себе, название его совпадает с названием сборника.

Посвящается эта книга моей любимой Маме, Ольге Александровне.

ВОСПОМИНАНИЯ...
Продолжение I

стала размеренной и скучной. Вместо путешествий - отдых в пансионате, вместо поездок - вообще ничего. Хотя именно отдых в "Звенигородском" дал толчок к написанию самих воспоминаний. Да и основная часть их обязана своим появлением и завершением именно этому месту.

Думаю, что это продолжение будет достаточно кратким и немногословным по причинам, изложенным выше. Хотя в 1998 году кое-какие подвижки к лучшему все-таки произошли.

ИТАК, ПРОДОЛЖИМ...

1996 г. Солнечногорск. Орбита-2

Хотя подмосковный отдых последних лет связан исключительно со Звенигородом, есть и отдельные исключения. В этом году путевку в пансионат "Звенигородский" мне достать не удалось.

Привлеченный знакомым названием - Орбита-2, я выбрал именно этот пансионат. В Орбите-1, что в Адлере, мы с женой отдыхали в 1980 г. В Орбите-2 жена уже отдыхала с нашим сыном в 80-е годы. Эти "орбиты" были подведомственны министерству, которому принадлежала организация, где долгие годы работала моя супруга.

Не знаю как первая Орбита, но вторая уже к этому времени не принадлежала какому-либо министерству (я так думаю). И по сравнению с

прошлыми годами все здесь стало приходить в упадок. Хотя внешне все оставалось более или менее пристойно, внутри уже было не так, как прежде. Пруд вблизи здания зарос, и здесь уже практически никто не купался. Хотя свои живописные качества он не растерял, и прогулки вокруг него мы совершали регулярно. Если говорить о купании, то несколько дальше от пансионата находился карьер, где можно было слегка окунуться.

Пансионат располагается довольно далеко от города - несколько километров на автобусе. Поэтому мы очень редко (в отличие от Звенигорода) выбирались в город, и это наверное хорошо.

Самым приятным здесь были наши прогулки в окрестностях пансионата. Хотя вокруг были только поля и лес практически отсутствовал, разнообразие растительности, ее цветение и благоухание доставляли огромное удовольствие.

Уж и не знаю, чего здесь было больше - плюсов или минусов, но после пребывания здесь я начал очень осторожно относиться к выбору места своего отдыха. И в дальнейшем старался останавливать этот свой выбор на Звенигороде.

1997 г. П-т "Звенигородский"

И вот я снова в Звенигороде. Летом и с женой.

На дворе - август месяц, прохладно, купаться не хочется. Очень много гуляем: вокруг пансионата, вокруг его территории, по берегу Москвы-реки. По мосту через очень глубокий овраг (вниз просто страшно смотреть) мы переходим на территорию поселка Мозженка. Это дачный поселок с участками для академиков. Участки - огромные, дома на участках - уже старые. Но есть участки, на которых построены или строятся шикарные кирпичные особняки. Отстраиваются они или потомками этих академиков, или вообще новыми... владельцами этих старых участков.

Посещаем мы и сам город Звенигород, который совсем недалеко от пансионата. Туда можно попасть по шоссе, либо по лесной тропинке до квартала Маяковского. За неимением других ярких впечатлений могу вспомнить красивую церковь на берегу реки Москвы за городом, Спассо-Сторожевский монастырь, до которого мы так и не дошли, гуляя по набережной в окрестностях той самой церкви. Еще - рынок, где мы обязательно что-нибудь покупаем, маленький скверик, где мы "перекуривали" прохладительными напитками. Самое главное, моей жене здесь понравилось...

1998 г. П-т "Звенигородский"
(зима)+(лето) -
- Дюрсо.Б/о "Моряк"

В этом году я отдыхал дважды, чему, конечно, был очень рад.

Оба раза в Звенигороде, в своем любимом пансионате. Зимой я отдыхал один, летом - вдвоем с женой. Хотя, если вспомнить март (да, это весна, а не зима), то на этот раз здесь в эти же дни отдыхали многие сотрудники нашего ВЦ РАН, включая директора - Ю.Г.Евтушенко.

Первые несколько дней в пансионате были истинно весенними. Снег таял, покрываясь ледяной корочкой под струями дождя со снегом. Но последующие дни показали, что зима еще не собирается сдавать свои позиции.

Ударил мороз, пошел снег - зима вернулась, и можно было начать кататься на лыжах, что и сделали мои коллеги.

Я же лыжи из Москвы не взял (выезжая из дома я попал под самый настоящий дождь), а прокат их в пансионате показался мне слишком дорогим. Поэтому я держался вдали от компании моих сослуживцев. Тем более мне нужно было заканчивать "Мою Игналину". Это вызывало недоумение и непонимание коллег, и мне часто задавались наводящие на эту тему вопросы. Я стойко сносил все притязания на собственную независимость и упорно гнул свою линию.

Таким образом мне удалось закончить и частично отредактировать свою третью книжку. Между делом я и гулял, и отдыхал разными другими способами.

В Москву я возвращался необычным образом - в легковой машине, за рулем которой был В.М.Борисов, вместе со своими сослуживцами. Довезли меня до самого моего дома.

* * *

Летом того же года я догуливал свой отпуск вместе с женой опять-таки в пансионате "Звенигородский".

Был уже август месяц, погода стояла дождливая и прохладная. На прогулки мы обязательно брали с собой зонт и очень часто не зря. О компании не могло быть и речи, хотя были и такие, кто не мог себе отказать в этом сомнительном удовольствии. В целом отдых проходил размеренно и спокойно, без каких-либо потрясений и неприятностей.

Теперь позволю себе маленькое отступление.

Отступление

Со временем я привык к такому отдыху. Особенно, когда на год приходилось два таких полуотпуска: зимой и летом.

Конечно, в памяти постоянно возникали образы Игналины, тем более что я много в эти годы писал о ней. В разговорах с коллегами часто слышались сожаления о невозможности посещения тех отдаленных мест, регулярно прежде нами посещаемых.

Теперь я жил и работал, так сказать, в ожидании получения путевки в Подмоскowie, и лучше всего в Звенигород. Ни о каких командировках я и не помышлял, и по причине финансовой, и по причине отсутствия коллектива единомышленников, подобного диспаковскому.

И все-таки я зря не верил в лучшее.

* * *

Вернувшись из Звенигорода и попав на очередной день рождения Г.М.Михайлова, я услышал от него, что есть возможность поехать в командировку на юг, к морю. Под Новороссийском, на базе отдыха "Моряк", что недалеко от Абрау и Дюрсо, должна была проходить конференция по параллельным вычислениям, организуемая Ростовским университетом и московскими организациями: МГУ, НИВЦ и ИВМ.

Серьезного значения я этому не придавал, хотя желание поехать туда я все же высказал.

Прошло несколько дней и этот вопрос встал снова. Завязалась активная переписка с организаторами

этой конференции по e-mail (электронная почта). Были переведены найденные для этого средства из расчета трех человек: директора, зам.директора и меня. Были куплены билеты на самолет до Анапы, и когда наступил сентябрь месяц, а точнее - 21 сентября, на конференцию отправились Ю.Г.Евтушенко, Г.М.Михайлов и я.

Приземлившись в аэропорту Анапы, мы тщетно пытались найти какой-нибудь автобус до города, но кругом шастали только местные "извозчики". Нам пришлось воспользоваться услугами одного из них, и он на своей Волге отвез нас в Новороссийск к гостинице "Бригантина". В холле этой гостиницы нам пришлось прождать половину дня, и только к вечеру нас привезли на б/о Моряк.

Эта база, как выяснилось позже, часто используется для проведения различных мероприятий. Многие сотрудники нашего ВЦ уже побывали здесь, и вот мы также открыли для себя это очень хорошее место.

Первым, кого мы увидели здесь, оказался Витя Самофалов. Он уже долгое время занимается этой тематикой, и можно было предположить, что он здесь окажется. Хотя заранее я этого не знал.

Заседали и отдыхали мы здесь очень хорошо. Погода, не жаркая и ветреная, иногда дарила нам теплые дни, а море к тому же успокаивалось. Так что после многих лет без моря я наслаждался и этим удовольствием.

Несколько слов об Абрау и Дюрсо. Да, именно так. Оказывается, это два разных селения, правда расположенных совсем недалеко друг от друга.

Дюрсо - это сплошные виноградники, а Абрау - более современный поселок на берегу великолепного озера. Здесь же находится и знаменитый завод шампанских вин.

Мы посетили музей этого завода и дегустационный зал. Не обошлось и без покупки шампанского, которое мы привезли в Москву. Одну из бутылок (оставшуюся) я открыл дома в Новогднюю ночь.

Главными организаторами этой конференции, в том числе и технической ее части, были сотрудники Ростовского государственного университета. После долгого перерыва я вдруг увидел очень сплоченный коллектив, который в таком составе уже неоднократно выезжал в эти края. Мне даже показалось, что это одна большая семья, очень дружная и спетая.

Вот мы и переходим к песням.

Я, естественно, взял с собой гитару, надеясь размяться в игре на ней перед моими попутчиками, а может быть и перед более широкой аудиторией. Так оно и случилось. Некий постоянный гитарист этой дружной группы по каким-то причинам не смог прибыть на эту конференцию. И пришлось за все отдуваться мне.

Я, конечно, преувеличиваю, но пару раз выступил в качестве аккомпаниатора, чередуя эти функции с сольными номерами.

Хочу отметить, что мои подопечные пели очень хорошо, чувствовалось, поют давно и среди них есть свои солисты. Репертуар был настолько разнообразен, что даже мне, помогавшему поющим в самых разных компаниях, пришлось нелегко. Кое-что я слышал впервые, кое-что - второй-третий раз. Но, как мне кажется, я соответствовал исполнителям, а мои, малознакомые им песни произвели определенное впечатление.

У себя в номере для Г.М. и Ю.Г. я прошелся почти по всему своему репертуару, используя взятую с собой тетрадку с песнями.

В общем, мне и моим руководителям очень здесь понравилось, и нас

обещали пригласить на следующую конференцию на будущий год. Я же с удовольствием вспомнил давно забытые ощущения от публичных выступлений перед незнакомой публикой и подумал, что с радостью испытал бы их вновь.

1999 г. П-т "Звенигородский"
(зима)+(лето) -
- Дюрсо.Б/о "Моряк"

Этот год был точной копией предыдущего с точки зрения моих воспоминаний, что и зафиксировано в заголовке.

Снова зима в одноместном номере П-та "Звенигородский", лето - вместе с женой там же и, наконец, поездка тем же составом на конференцию под Новороссийском. Но насколько же все было по-другому.

Зима на этот раз оказалась холодной и снежной. Вместе со мной были лыжи и не было (почти) коллег из ВЦ. Здесь я наконец начал свою новую книжку, примерный, но очень большой, план которой у меня уже был заготовлен заранее.

Писалось трудно. Временной период, охватываемый этой книжкой, был гораздо продолжительнее и начинался с самого моего детства. Тем не менее, основу нового опуса мне удалось заложить.

Итак, я отдыхал, ходил на лыжах, писал свою книгу. Одним словом, культурно проводил свой зимний отпуск. И все бы ничего, если бы...

За одним столом со мной в столовой сидели двое мужчин и женщина. И в отсутствии коллег из ВЦ теперь уже они замучили меня вопросами о моем времяпрепровождении. Я долгое время отмалчивался, но, наконец, не выдержал и поведал им о своем графоманстве. Дальше, пошло - поехало.

На последовательные вопросы - не пишу ли я стихи, не играю ли я на гитаре, не пою ли, не пишу ли сам песни - мне пришлось "расколоться". С этого момента начались поиски моими знакомыми гитары. Но все попытки были тщетны. Или гитара была очень нужна самим владельцам, или инструмент был настолько ценен, что на этом разговор и заканчивался. Наконец, была присмотрена одна гитара, но и она попала в мои руки только со второй попытки.

Гитара оказалась двенадцатиструнной, но переделанной в некую десятиструнную.

Хуже всего было то, что гитара была страшно расстроенной и настроить ее не представлялось возможным. Я сам был в жутком расстройстве, так как не смог оправдать ожиданий моих потенциальных слушателей. Я обещал что-то оригинальное, никогда ими ранее не слышанное. И мои знакомые рассчитывали на удовольствие послушать неизвестного барда и может быть самим что-нибудь спеть.

Но гитара "не слушалась", и я уже подумывал о том, чтобы попросить прощения за эту неувязку у моих новых знакомых, собравшихся у меня в номере. Каким-то чудом мне удалось все-таки укротить непослушный инструмент, хотя играть на нем все равно оказалось непросто.

Я исполнял свои песни и песни известных авторов. В эти моменты мне подпевали два мужских и один женский голос. Из моих песен понравились: "Милая моя нежность" (просто понравилась), "Не умирайте старики" (за гармонию слов и музыки) и "А прочее, неважно" (за стихи).

Мне кажется, я в какой-то степени удовлетворил моих слушателей, и

возможно, оправдал ожидание необычного.

Завершая рассказ об этой зиме в Звенигороде, не могу не сказать о том, что впервые у меня родились здесь стихи без попыток переложить их на музыку, но как мне кажется, очень хорошо передающие настроение тех дней. Пожалуйста, читайте.

Звенигородские мотивы,
Звенигородские друзья,
Все было чинно и учтиво,
И даже спел однажды я.

То оттепели, то морозы,
Как тут здоровье сохранить?
Лекарства пить,
а в светлых грезах
Так и покрепче что-то пить.

Быть может в загородном доме
И скучновато было Вам,
В Москве, в полувечерней дреме
Вас вновь потянет к деревьям.

Все было чинно и учтиво,
И кто-то скажет: "Так нельзя!"
Звенигородские мотивы,
Звенигородские друзья.

* * *

Лето 1999 г. в Москве и Подмос-
ковье было непередаваемо жарким.

В городе мы изнывали от зноя и
надеялись с женой отдохнуть от нее в
Звенигороде. И это нам удалось.

Наконец-то я дорвался до купа-
ния в Москве-реке. Палящее солнце,
теплая вода реки - все это распола-
гало к долгому купанию и плаванию. Я
даже и не припомню, когда еще столь-
ко времени проводил в воде. Таким
образом, весь отдых проходил под
знаком жаркого солнца и реки.

Но было еще одно обстоятельст-
во, наложившее отпечаток на наш от-
дых.

Обычно, когда я в последнее
время уходил в отпуск и уезжал
из Москвы, меня, как системного
администратора локальной сети ВЦ РАН
(главного специалиста по ИВС - ин-
формационно-вычислительным системам),
подменял, дублировал и страховал
мой "шеф" М.Копытов. На этот раз это

ему было сделать сложно. Он серьезно заболел и попал в больницу.

Отменять и переносить отпуск было уже поздно, поэтому страховать меня на этот раз пришлось Г.И.Ковалевой. Предварительно с ней был проведен "инструктаж", кроме этого я заверил ее, что буду регулярно звонить ей на работу и, в крайнем случае, приеду из Звенигорода в Москву. Благо отдыхали мы в Подмосковье.

Так я и поступил. Регулярно контролируя по телефону обстановку в ВЦ, я очень был рад, что ничего серьезного за мое отсутствие не произошло, и мне не пришлось выбираться в Москву "по вызову".

* * *

Наступил сентябрь. Пришла пора снова ехать в Абрау-Дюрсо.

Состав был тот же. Но теперь мы ехали туда с докладом, к которому готовились довольно серьезно: тезисы, слайды, переписка с организаторами, регистрация доклада через Интернет.

Будучи уже опытными, мы из аэропорта Анапа (20 сентября) на

частной автомашине (здесь широко распространен частный извоз) сразу отправились на б/о Моряк.

На этот раз нас поселили в отличном номере - сказалось, наверное, наше прошлогоднее пришествие, членкорство директора и присутствие моей гитары.

В первый же день (20 сентября) я совершил пешее путешествие в Абрау, чтобы закупить некоторое количество напитков и отметить день рождения моей жены. Выяснилось, что это - не так близко, а я не рассчитал своих сил и не очень правильно экипировался в дорогу. Тем не менее, за четыре часа я обернулся туда и обратно, и мы тут же осушили несколько бутылок шампанского за здоровье моей супруги.

В дальнейшем нам почти не пришлось ничего подобного покупать, так как наш номер стал базовым для вечернего "чаепития" и музицирования, и все, как говорится, приходили со "своей заваркой".

Теперь меня уже знали, знали мои возможности и репертуар. Находясь в своем номере, чувствовал я себя настоящим хозяином положения.

Я уже не говорю о том, что с нами здесь был и Витя Самофалов.

Кроме этого в командировку с ним поехал один из его сотрудников вместе с женой Юлей. И оказалось, она хорошо играет на гитаре и поет. Это внесло свою изюминку в наши вечерние песнопения. Кроме того, там было много молодежи, причем поющей и играющей.

После прослушивания моих песен было высказано пожелание поместить их на нашем сервере в виде звуковых файлов с возможностью получения их через Интернет.

К сожалению, погода на этот раз была похуже прошлогодней. Постоянно дул сильный прохладный ветер, на море не смолкал рокот волн. Но, конечно же, нельзя было не окунуться и не поплавать.

Прощание было очень трогательным и с обещанием вновь приехать сюда через год.

2000 г. "Ершово". Звенигород -
 - "Березовая роща" -
 - Дюрсо.Б/о "Моряк"

В этом последнем году века и тысячелетия я умудрился снова попасть в Звенигород.

С пансионатом "Звенигородский" были сложности (боюсь, что уже не попаду туда никогда, хотя заранее не стоит загадывать), и на работе мне досталась путевка в дом отдыха "Ершово".

По семейным обстоятельствам (болезнь жены) отправился я туда очень поздно. Было межсезонье. Еще не весна, но уже и не зима, грязный тающий снег, замусоренный лед на большом пруду в парке. Иногда накрапывал мелкий дождик, и очень редко светило прохладное солнце.

Вот такие ощущения у меня от тех первых апрельских дней в Ершово.

Но все эти отрицательные явления с лихвой перекрывались плюсами, о которых я и поведаю здесь.

Это межсезонье, по-видимому, отпугнуло большинство отдыхающих, я уже не говорю о стоимости путевки. Хотя мне, как всегда, посчастливилось съездить за неполную стоимость.

Итак, отдыхающих здесь было очень мало. В какой-то момент в столовой, рассчитанной не на одну сотню едоков, я насчитал полтора десятка поглощающих пищу. В корпусе, в котором я жил, мне очень редко приходилось пересекаться с соседями. А в дальнем конце корпуса производился ремонт (все-таки межсезонье), который, впрочем, не очень мешал моему отдыху.

Но главным достоинством сего местечка было наличие в нем бассейна, в котором я с удовольствием плавал каждый день по часу (а мог бы и больше), с каждым разом наращивая метраж дистанций.

Удивительным было то, что иногда я плавал в бассейне совершенно один — это было здорово.

Не забыл я и о своей новой книжке — она устремилась здесь к своему завершению. По крайней мере, главная ее составляющая была написана.

Вот что значит спокойный и здоровый отдых!

* * *

Находясь здесь, я вспомнил, что уже когда-то навещал Ершово, гулял по аллеям парка, по мосткам над его прудами и заходил в тот самый культурно-оздоровительный корпус, где краем глаза видел водную гладь того самого бассейна.

И было это в 1987 г., когда я отдыхал совсем недалеко отсюда на турбазе "Звенигород", которая стала нынче Туристическим Центром (переименовали, наверное).

Водил меня сюда мой сосед по номеру (помните, проводник международных вагонов) на танцы, в кино, правда без бассейна. И у меня было ощущение, что прошло с тех пор совсем мало лет...

* * *

Полной противоположностью предыдущему стал наш отдых с женой в июле того же года.

Путевка мне досталась в пансионат "Березовая роща", подведомственный МПС. От Савеловского вокзала до станции Катуар, далее автобусом, "после пешочком" и вот, мы в "Березовой роще".

Большое восьмизэтажное здание, огромное количество отдыхающих, которыми были забиты все близлежащие аллеи и поляны, спортивные площадки и лесные тропки.

Кроме нашего, в этих местах располагалось множество других домов отдыха и санаториев. Место это носило название "Аксаково", здесь же была и одноименная пристань на берегу водохранилища, куда изредка приставали "Ракеты". На берегу водохранилища почти не было мест, пригодных для купания. Был один дикий пляж вблизи дома отдыха "Аксаковские зори", но и он мало соответствовал своему названию.

После Ершово мне казалось, что я нахожусь в городе, так много было здесь людей. Моей супруге также показалось, что здесь слишком многолюдно. К тому же, к людскому гомону добавлялся шум ведущихся ремонтных работ и вентиляции из столовой.

Я думаю, что передал составляющие нашего отдыха в этом пансионате.

Хотя, если говорить откровенно, плохо отдыхать лучше, чем хорошо ра-

ботать. И мы получили свою порцию свежего воздуха, любовались красотами местной природы и, все равно, неплохо отдохнули.

Тем не менее, я взял это место под свой особый контроль.

* * *

Ну, и какой же сентябрь без Дюрсо и "Моряка".

По традиции, которой исполнилось уже три года, мы вновь отправились на очередную конференцию под Новороссийском. Наше постоянное трио было дополнено Гусевым С.И. и его сотрудницей Наташей Тучковой, которой доверили сделать доклад от имени нашего ВЦ.

На этот раз мы вылетали из Шереметьево-1, куда нас, по давней традиции, отвез на новом нашем автобусе "Фольксваген" водитель Виктор Сергеевич.

Кстати, он же встречал нас в этом же аэропорту по возвращении из Анапы. Быть может зарождается новая традиция?

Аэропорт Анапа, легковой транспорт до "Моряка" и вот мы уже на месте.

Первый день пребывания - день заезда - самый теплый и погожий из всех шести дней. После размещения в нашем "старом", прошлогоднем номере - быстро-быстро к морю, из которого, ну просто, не хотелось вылезать.

В этом году, несмотря на ветреную погоду, было удивительно тепло - наверное, самый теплый сентябрь за эти три года.

География конференции на этот раз расширилась необыкновенно: Якутия, Владивосток, Иркутск, Екатеринбург (конечно В.Самофалов), Минск, Кишинев, Донецк, Петрозаводск, Саратов, очень много людей из Санкт-Петербурга, конечно Москва и много-много других крупных и совсем маленьких населенных пунктов.

В программе культурных мероприятий появился "вечер авторской песни". О нем я узнал в последний момент, но в программу которого была внесена и моя фамилия.

Вечере участвовал еще один гитарист - Анатолий Лазарев, брат постоянной участницы всех конференций Лизы (Ростов-на-Дону), которая на этот раз отсутствовала по причине отъезда за границу к своему сыну.

Не очень утомив слушателей, я спел несколько своих песен и, передав эстафету коллеге, удалился для продолжения выступления у нас в номере.

Если бы я знал, что мои песни в этот момент записываются и позже будут помещены на интернетовский сайт, посвященный итогам конференции, я бы не стал так себя ограничивать.

Тем не менее, начало проникновению моих песен в Интернет было положено.

На конференции было сделано фото всех участников, которое также было размещено в Интернете, наряду с другими материалами и снимками. Кроме этого, буквально через несколько часов всем участникам этого действия были розданы твердые копии снимка.

По сравнению с прошлым годом я пел гораздо меньше.

Во-первых, было мало "общих сборищ" по причине большой загруженности организаторов.

А, во-вторых, в самом конце конференции я "что-то съел" в столовой и концовку пребывания в "Моряке" проболел.

Позже выяснилось, что не один я пострадал. Это коснулось даже В.А.Кондратенко (Ростов-на-Дону), главного организатора со стороны РГУ, и еще многих участников конференции.

Еще одно воспоминание.

В самолете, туда и обратно, нас кормили и поили вином. Сначала мы грешили на то, что с нами до Анапы летел сам Степашин (бывший премьер-министр), которого встречал сам Кондратенко (губернатор). Но обратно никто из чинов с нами не летел, а приятная процедура повторилась.

В следующий раз полетим только этими рейсами.

Короче говоря, все было замечательно. Конференция прошла превосходно, море было теплое, слушатели — доброжелательные. С некоторыми из них по возвращении в Москву я продолжил переписку по вопросам: песни и Интернет, слова и аккорды, mp3-файлы и многое-многое другое.

Жизнь все-таки несмотря ни на что продолжается...

С Т И Х И

И недаром та девушка русая
 Не досталась банкиру безусому,
 Она выбрала парня усатого,
 Гитариста со средней зарплатою.

20 сентября 1998 г.

к Д.О.А.

Сонет

1

Да! Были мы 20-летними
 Когда повстречались с тобой.
 Меж теми годами и этими
 Десятки прошли чередой.

С тобой мы близки прежде не были?
 Но близкими были, о да!
 И были те наши и небыли
 Останутся в нас навсегда.

Поймем ли когда-нибудь прошлое?
 Что будет - не предугадать.
 Но помнится все же хорошее,
 И это у нас не отнять.

Промчались потоком полвека...
 Но хочется вновь в ту же реку.

4 августа 1999 г.

к К.Г.И.

Сонет

2

Я мальчик был, Вы - молодая леди,
 Я старше стал, Вы - леди до сих пор.
 Огонь, вода и сладкий голос меди -
 Все ль позади? Иль впереди - простор?

Я стал другим. А Вы? А Вы - все та же,
 Все тот же голос, серебрист, высок,
 Глаза все те же, тот же взгляд и даже
 Походка та же - звонкий каблучок.

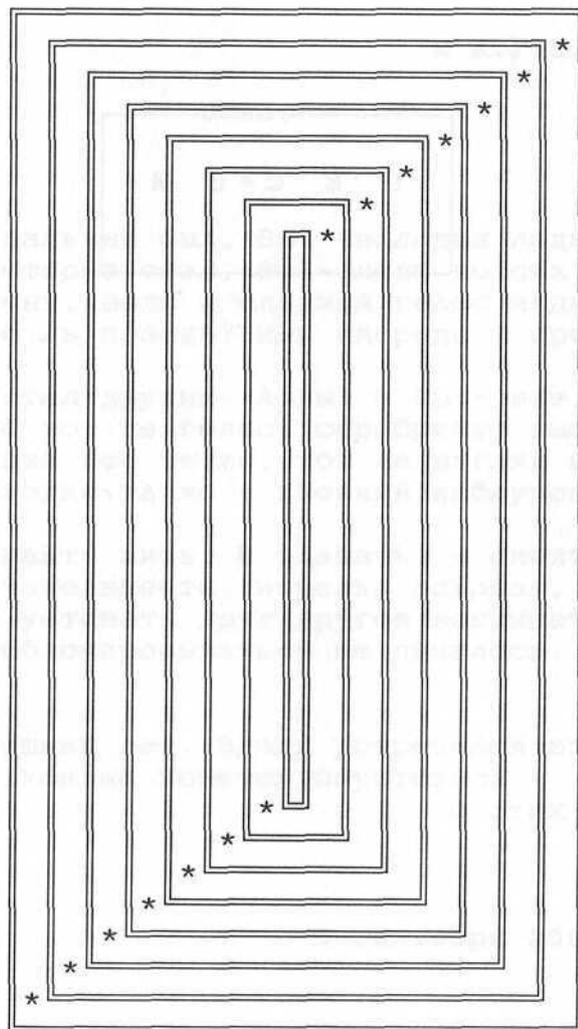
Давайте жить. И плакать, и смеяться,
 Почаще вместе, изредка поврозь,
 Не уставать друг другом восхищаться,
 Чтоб очаровываться не пришлось.

Вершины лет. Вдаль устремился взор.
 Но как же хочется спуститься
 с этих гор.

3 сентября 2000 г.

П Е С Н И

18 декабря 1999 г.

В. Соколов

* Венок *

Брату

Вот мы с тобой и развенчаны.
 Время писать о любви...
 Русая девочка, женщина,
 Плакали те соловьи.

Пахнет водою на острове
 Возле одной из церквей.
 Там не признал этой росстани
 Юный один соловей.

Слушаю в зарослях, зарослях,
 Не позабыв ничего,
 Как удивительно в паузах
 Воздух поет за него.

Как он ликует божественно
 Там, где у розовых верб
 Тень твоя, милая женщина,
 Нежно идет на ущерб.

Истина не наказуема.
 Мы указали межу.
 Я ни о чем не скажу ему,
 Я ни о чем не скажу.

Видишь, за облак барашковый,
 Тая, заплыл наконец
 Твой васильковый, ромашковый
 Неповторимый венец.

"Дп"

18 декабря 1998 г.

М. Семенова

* * *

Соне

Отчего не ходить в походы,
И на подвиги не пускаться,
И не странствовать год за годом,
Если есть куда возвращаться?

А когда заросла тропинка
И не будет конца разлуке,
Вдруг потянет холодом в спину:
"Для чего?..."
И опустишь руки.

Отчего не поставить парус,
Открывая дальние страны,
Если есть великая малость -
Берег родины за туманом.

Отчего не звенеть оружием,
Выясняя вопросы чести,
Если знаешь: кому-то нужен,
Кто-то ждет о тебе известий.

"Ем"

20 сентября 1999 г.

Н. Рубцов

* Поезд *

Ю.П.Р.

Еще волнует все, что было.
В душе бывшее не прошло.
Но слишком дождь шумел уныло,
Как будто все произошло.

Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой!
- Какое место вам? - Любое.
Любое место, край любой.

И без мечты, без потрясений
Среди одних и тех же стен
Я жил в предчувствии осеннем
Уже не лучших перемен.

- Прости, - сказал родному краю, -
За мой отъезд, за паровоз.
Я несерьезно. Я играю.
Поговорим еще всерьез.

Мы разлучаемся с тобою,
Чтоб снова встретиться с тобой.
Прекрасно небо голубое!
Прекрасен поезд голубой.

"D"

27 декабря 1999 г.

Н. Сабурова

Ю. Рогов

* * *

Н. Сабуровой

Спой нам, Палыч! Юра, спой!
 Растревожь и успокой.
 Чтобы вздрогнула душа,
 Чтобы слушать не дыша,
 Чудо песня! Хороша!

Свечи теплые зажжем,
 Тесно сядем за столом,
 Чтобы слушать и молчать,
 Огонек в руке держать.

Спой нам, Палыч! Юра, спой!
 Растревожь и успокой.
 Слушать будем не дыша,
 Не остыла бы душа,
 Чудо песня! Хороша!

Будем жить! И жить сто лет!
 Пусть прекрасный теплый свет
 Льется под твоей рукой,
 Над гитарною струной.

Спой нам, Юра! Палыч, спой!
 Будем слушать голос твой,
 Тихо-тихо, не дыша,
 Не остыла бы душа,
 Чудо песня! Хороша!

Песня спета до конца
 И блестят глаза певца.
 Огонек в руке дрожит,
 Кто-то тихо говорит...

Спой нам, Палыч! Юра, спой!
 Растревожь и успокой.
 Чтобы вздрогнула душа,
 Чтобы слушать не дыша,
 Чудо песня! Хороша!

Им

весна 2000 г.

М. Семенова

* Дорога *

Сыну

Не строй у дороги себе избы:
Любовь из дома уйдет.
И сам не минуешь горькой судьбы,
Шагая за поворот

Идешь ли ты сам, силком ли ведут -
Дороге разницы нет!
И тысячи ног сейчас же затрут
В пыли оставшийся след.

И сердце порой сжимает тоска
Под тихий голос певца ...
Вот так и поймешь,
что жизнь коротка,
Но нет дороге конца.

Дорога тебя научит беречь
Пожатье дружеских рук:
На каждую из подаренных встреч
Придется сотня разлук.

Научит ценить лесного костра
Убогий ночной приют ...
Она не бывает к людям добра,
Как в песне про то поют.

Белесая пыль покрыла висок,
Метель за спиной кружит.
А горизонт все так же далек,
Далек и недостижим.

Следы прошедших по ней вчера
Она окутала тьмой ...
Она лишь тогда бывает добра,
Когда ведет нас домой.

Нп

25 марта 2000 г.

М. Семенова

* * *

Памяти М. Семина

Я когда-нибудь стану героем, как ты.
Пусть не сразу, но все-таки я научусь.
Ты велел не бояться ночной темноты.
Это глупо - бояться. И я не боюсь.

Если встретится недруг в далеком пути
Или яростный зверь на тропинке лесной -
 Попрошу их с дороги моей отойти!
Я не ведаю страха, пока ты со мной.

Я от грозного ветра не спрячу лицо
И в суде не смолчу, где безвинных винят.
Это очень легко - быть лихим храбрецом,
Если ты за спиною стоишь у меня.

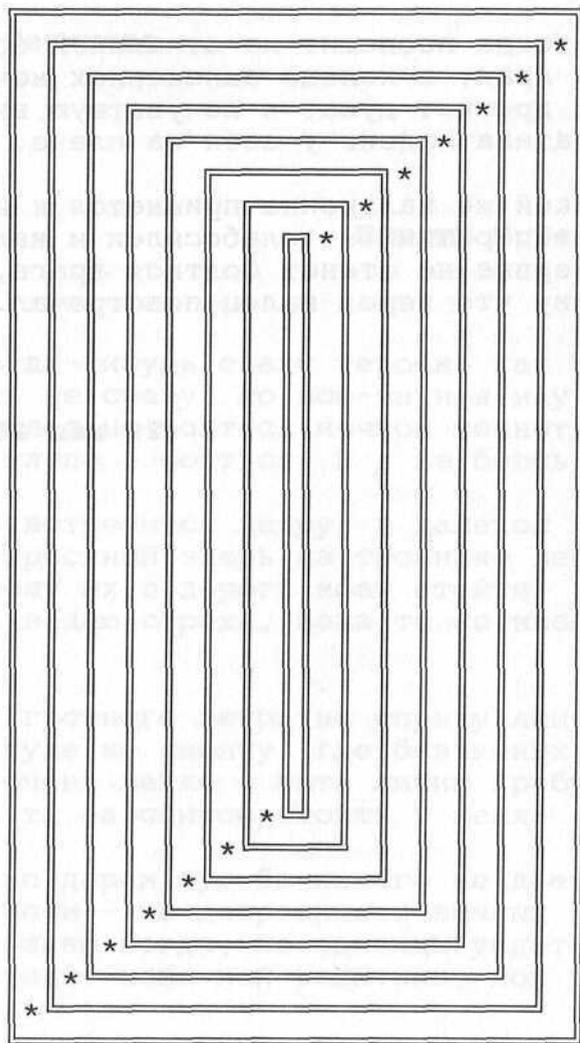
Только даром судьба ничего не дает...
Не проси - не допросишься вечных наград.
Я не знаю когда, но однажды уйдет
И оставит меня мой защитник, мой брат.

Кто тогда поспешит на отчаянный зов?
Но у края, в кольце занесенных мечей,
Если дрогнет душа, я почувствую вновь
Побратима ладонь у себя на плече.

И такой же мальчонка прижмется к ногам,
Как теперешний я, слабосилен и мал,
И впервые не станет бояться врага,
Потому что героя малец повстречал.

Нп

29 мая 2000 г.

Моей Маме

МУЗЫКА

навсегда

Все еще впереди...

Вместо предисловия

- Не гуди !

Как всегда, не сразу понимаю, что моя супруга обращается именно ко мне.

Конечно, ее можно понять. Время от времени я перестаю контролировать себя, и окружающие вдруг начинают слышать то, что непрерывно звучит во мне - музыку. К сожалению, это - постоянно повторяющийся фрагмент понравившейся мне мелодии.

Это может быть мелодия из фильма, концерта, телевизионной передачи, музыкального клипа или просто мелодия, востребованная из глубин памяти.

Почему фрагмент?

Потому, что в каждой такой мелодии есть особая изюминка, из-за которой я и выделяю ее, мелодию, из множества прочих. Поэтому этот фрагмент и не может быть больше, чем эта самая изюминка.

Я сознаю, что это "гудение" может вызвать неудовольствие. И я либо

умолкаю, либо начинаю ворчать на такое непонимание, но затем все равно умолкаю. Правда, это совсем не значит, что умолкает мой внутренний голос.

Да, есть еще и такой. Этот голос звучит практически постоянно, и ничего я с ним поделать не могу, да и не хочу. Наверное, это позволяет создавать и свои собственные мелодии и воспринимать новые, вновь услышанные, просеивать и пропускать их через себя, получая огромное удовлетворение.

Могу сказать наверняка, "мурлыкать", "гудеть", что-то напевать, хотя бы про себя, я вынужден буду прекратить лишь по одной причине. Вы догадались, конечно, по какой.

Ну, с финалом, кажется, разобрались. А как же все началось, когда же был запущен этот "вечный" (увы, не вечный) музыкальный двигатель? Попытаюсь вспомнить, как все это было...

Музыка детства

Думаю, музыка вошла в мою жизнь сразу после рождения, а может быть это случилось гораздо раньше. В любом случае к этому все и шло. В первую очередь это, конечно, наследственность.

Моя Мама, Ольга Александровна, большая певунья, в молодости хотела стать артисткой.

Я не случайно назвал именно это слово. Не просто актрисой, а артисткой, сочетающей в себе многие достоинства синтетической, как раньше говорили, актрисы. Она играла в самодеятельном театре (Горе от ума и др.), прекрасно пела и танцевала.

Но семейные обстоятельства не позволили ей выбрать для себя такой жизненный путь (старшая в многодетной семье при рано ушедшей из жизни матери, моей бабушки).

Обладая прекрасным слухом и голосом, Мама до сих пор помнит и поет много старых замечательных песен и романсов, как под мой аккомпанемент, так и при встречах со своими старыми подругами и родственницами.

У моего отца был не менее хороший слух и приятный баритон (у меня очень похожий голос).

В его многодетной семье музыка тоже была не на последнем месте. У них был свой музыкальный ансамбль: братья играли на гитаре, мандолине, балалайке.

Первое время отец хотел научить меня играть на мандолине (или домре), но в конце концов в 12 лет купил мне первую в моей жизни гитару. Что из этого получилось многие уже знают, а остальные узнают из последующих глав.

Первые мои музыкальные опыты относятся скорее всего к праздничным выступлениям у новогодней елки или к дням, когда у нас дома собирались гости. Эти свои опыты я, конечно, не помню, хотя все родители любят поднимать своих отпрысков на табуретки, с которых они читают стихи и поют песни.

По воспоминаниям моих родителей стихи - были, песни - возможно. По крайней мере, это были первые мои публичные выступления, пусть даже и не музыкальные.

Первый мой выход на публику, который я сам помню, состоялся в неполные 7 лет. Тогда я уже был учеником 1-го класса средней московской школы.

В начале учебного года ко мне, не знаю уж почему, подошла пионервожатая, и спросила, могу ли я что-нибудь спеть или прочитать. Я вызвался петь, так как уже выступал однажды с сольным номером (песней) летом в детском саду ("Ах, ручей, чей ты, чей? Я от снега и лучей, я бегу, я смеюсь, я сейчас с другим солюсь").

Так что, по большому счету это школьное выступление было не самым первым публичным.

Таким образом, я с самого детства проявлял склонность к музыке. Чувствуя это, мои родители пытались что-то сделать в этом направлении: собирались купить пианино, отдать меня в музыкальную школу. О попытках привлечь меня к струнным инструментам я уже говорил.

Но по каким-то неизвестным причинам все эти возможности так и не были использованы, и я на всю жизнь остался самоучкой и без музыкального образования. Жалею ли я об этом? Не знаю, может быть. С годами я почувствовал в себе некую "музыкальную силу", наряду с отсутствием того самого образования.

Детские годы шли своим чередом. Очень хорошо помню выступления с младшим братом Николаем перед нашими родственниками во время праздничных встреч. Мы лицедействовали, пели песни и фрагменты песен из мультфильмов и телепередач. Чего стоит только песня сорняков из мультфильма "Чудесница" ("Нас нигде не сеяли, не жали, ха-ха, эх!").

Вспоминая эти выступления, я ловлю себя на мысли, что выступал здесь и в качестве режиссера-постановщика всех наших номеров.

В школе я занимался в хоре, что дало мне очень много в плане музыкального образования, понимания многоголосья при исполнении музыкальных произведений сразу несколькими исполнителями.

Эти занятия продолжались и летом в пионерских лагерях, где я принимал активное участие в самодеятельности, в том числе и драматической.

Я с восторгом и удовольствием слушал застольные песни моих родных на юбилеях и праздничных встречах. Старинные песни и романсы Лещенко, Козина, Вертинского, Юрьевой, народные песни в исполнении моих близких и знакомых оставили неизгладимый след в моей детской душе. Забегая вперед, скажу, что когда я учился

играть на гитаре, опыт аккомпанирования поющим эти песни переоценить невозможно.

Я разучивал эти песни, подпевал родителям и гостям, подыгрывая себе на гитаре. И часто в дальнейшем удивлял друзей и знакомых знанием этого старинного музыкального материала. Но главное, все это развивало мой музыкальный слух и музыкальный вкус, давало возможность оценивать новые музыкальные направления, которые смело шли на смену музыке 30-40 годов.

Поворотным пунктом в моей судьбе стала покупка моим отцом, Павлом Ивановичем, для меня гитары. Это случилось, когда мне исполнилось 12 лет.

Но до настоящего перелома в моей музыкальной судьбе было еще, ох, как далеко.

К/т Ангара. 1966 г.

Первые опыты

Может быть я сам себе противоречу, но покупка гитары мало что изменила в моем образе жизни.

Конечно я иногда брал ее в руки, перебирал струны, слушал отца, вспоминающего свой домашний ансамбль. Но на этом все и заканчивалось. Научить меня игре на гитаре отец не мог - он сам играл в молодости на мандолине. Других учителей рядом не было, и моя гитара большую часть времени безмолвствовала.

Но школьная и семейная жизнь продолжались, продолжалось и накопление музыкальных впечатлений. Крутились старые пластинки на патефоне, новые - на радиоле, еще позже гибкие пластинки на "костях" и, наконец, магнитофонные записи.

Но вернемся в школу. Заканчиваются 9 год учебы, работа и практика на заводе "Чайка" (электроцех, микромоторчики), занятия в математическом кружке у школьного учителя математики, Калабина Игоря Константиновича. И вот, он приглашает меня

вместе со своим классом в летнюю поездку в Ленинград и Прибалтику.

Я, как и двое моих друзей, Володя Ширяев и Валера Лавыгин, поехавшие вместе с нами, не были учениками его класса. Из этого класса в поездку поехали только девочки, так что вместе с Игорем Константиновичем нас было четверо мужчин. Эта поездка стала переломной в моей жизненной судьбе, в том числе и музыкальной. Но все по порядку.

Поездка наша была просто замечательная.

Две недели в Ленинграде, затем - Таллин, Рига, Вильнюс и, наконец, первый мой водный поход по Игналинским озерам.

В этом походе с нами была и турбазовская гитара, на которой, правда, никто много, серьезно и толком не играл. Брал ее в руки наш инструктор, немного поигрывал Валера Лавыгин - у него к этому моменту дома тоже была гитара. Несмотря на это, все равно у костра звучали песни. Продолжали они звучать и во время водного пути.

Все эти музыкальные репетиции были не случайны. Каждая группа, вернувшаяся из похода, должна была дать концерт на турбазовской сцене. И такой концерт нами был дан.

Конечно, наши девчонки пели

здорово, многие из них занимались и в музыкальных школах, и музыкой на дому. Мы, мальчишки, в меру своих возможностей, тоже подпевали разученные и отрепетированные в походе песни.

Эти песни звучали на несколько голосов, присутствовали и постановочные элементы. Все это дало повод местному аккордеонисту, Шолому Моисеевичу, назвать наше выступление самым профессиональным из тех, что он слышал на турбазе. Позже, по возвращении в Москву, мы повторили этот концерт перед школьной аудиторией и с большим успехом.

Но к тому времени я уже стал учеником того самого 11 класса, классным руководителем которого был Калабин И.К.

Хоть это и не относится к теме нашего повествования, но переход из 9 класса в этот 11-й не был таким уж простым.

Во-первых, Игорю Константиновичу пришлось долго преодолевать сопротивление школьной администрации, а скорее всего, более высокого начальства.

Во-вторых, мне, Володе Ширяеву и еще одному нашему другу, Боре Гаврилову, пришлось многое досдавать в процессе учебы в этом последнем для тех времен 11-ом классе средней школы.

Но самое главное, я встретился в этом классе со своим первым учителем игры на гитаре. По сему представляю его полностью - Сафонов Владимир Иванович.

Вот, наконец, я в своих многочисленных воспоминаниях добрался и до Володи.

Уже тогда, в школьные годы, чувствовалось, что это - незаурядная личность. Проявилось это и в музыке. Не обладая, так сказать, абсолютным слухом, он с упоением занимался гитарной музыкой, самым трудным ее разделом - классическим, с использованием сложных технических приемов. Несмотря ни на что и не стесняясь своего голоса, он смело брал в руки гитару и пел - пел песни своего репертуара.

Как только я появился в этом классе, Володя подошел ко мне и спросил о гитаре, посмотрел на мои пальцы и похвалил их за "мясистость" (вот, такие физиологические подробности). Так начались мои гитарные "университеты".

Вся учеба шла в рамках организованного нами ансамбля "Черные лебеди". В его состав входили: Володя Сафонов, Боря Гаврилов, Валера Лавыгин и я - три гитары и баян, на котором играл Борис. Он учился в музы-

кальной школе по этому классу и в нашей команде был самым музыкально образованным.

Наши музыкальные занятия начались с баянной народной музыки, под которую я учился игре на гитаре. Началось все с двух первых аккордов, которые нужно было научиться брать поочередно, успевая за простой незамысловатой мелодией. Так тренировались пальцы, набивались мозоли, несмотря на то, что на гитарах уже были натянуты нейлоновые струны.

То ли мы были такими талантливыми, то ли наши учителя замечательно нас учили, но уже к Новому году в репертуаре нашего ансамбля было несколько номеров. Во время этих выступлений участие в них принимал и Володя Ширяев, игравший на маракасах.

Звучало все это довольно профессионально - следствие многочасовых репетиций. Иногда я выступал в качестве солиста-вокалиста без гитары. Нами исполнялись твистовые композиции, разучиваемые с пластинок, в том числе и "на костях".

Моя учеба шла настолько быстро, что вскоре я сам начал подбирать гитарные аккорды к песням и романсам, чем очень удивил своего учителя.

Видно весь музыкальный багаж детства рвался наружу и ему был дан

достойный выход. Я все больше и больше становился, так сказать, лидером нашей группы. Правда, этого я тогда еще не понимал.

Кроме выступлений нашего ансамбля мне запомнилось участие в школьной игре "КВН" среди старших классов. Мы, конечно, победили, и не последнюю роль в этом успехе сыграло участие членов группы "Черные лебеди" в КВН-овской команде нашего класса. В это же время я, кажется, начал интересоваться и авторской песней, хотя этого термина тогда еще не было в моем помине, но Владимир Высоцкий уже сочинял и пел свои песни.

Удивительно все-таки, что к этому времени (конец 1965, начало 1966) меня уже потянуло на сочинительство. Только-только освоивший первый в своей жизни музыкальный инструмент, я набрался наглости взять в руки гитару и сборник стихов Сергея Наровчатова и сообразил первую в своей жизни песню - "Эллада".

Конечно, она была не ахти какая, но она дорога мне как самая первая в мои новые времена.

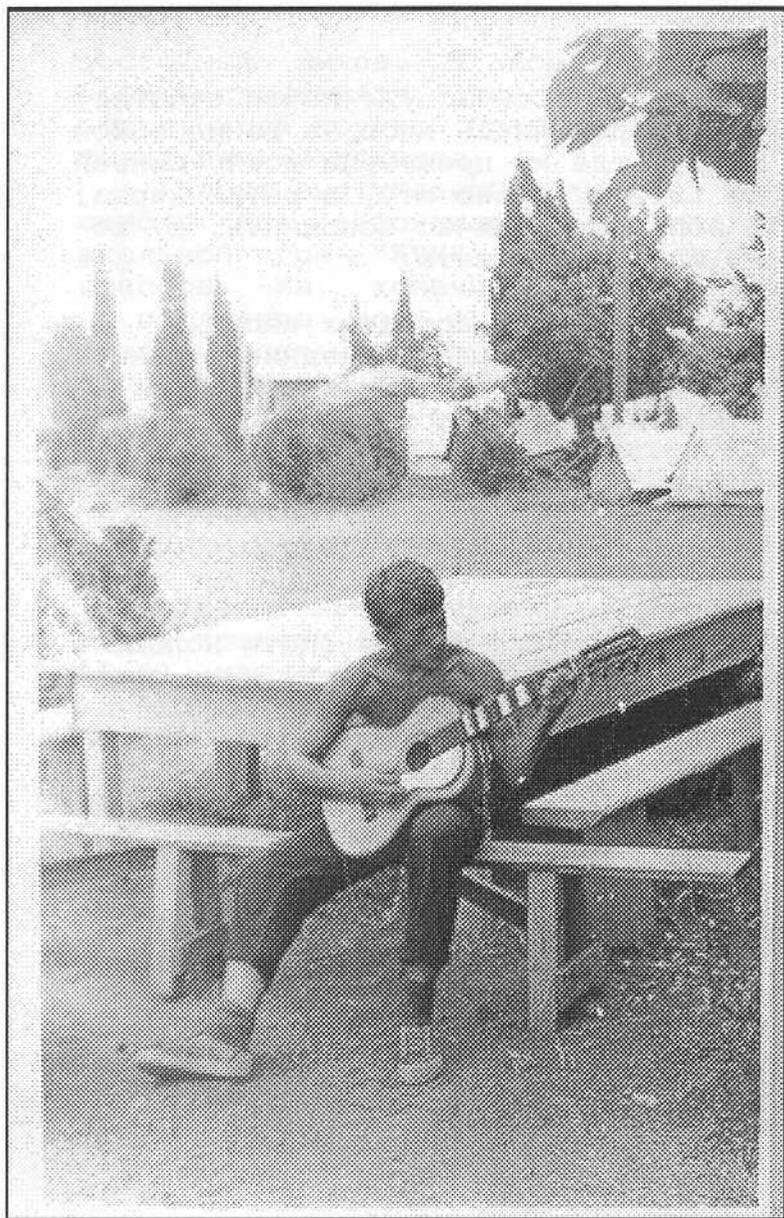
Почему я делаю это уточнение?

В детстве я оказывается не только любил музыку, но и уже "играл словами". В 10-11 лет из-под моих рук вышло первое сочинение - песня о

Первомае. Сейчас уже почти забытая, она исполнялась мною на Даниловском валу, где мы проживали всей семьей до 1962 г. Песню эту, в ритме марша, я попытаюсь сейчас вспомнить, ну хотя бы ее фрагменты:

Первое Мая - праздник весны,
Праздник народа, праздник страны.
Первое Мая - ликует народ,
Празднично в городе, город цветет.
.....
Вдруг раздается праздничный салют.
После салюта расходятся люди,
Все спят - на небе звезды горят.

Вот такие первые опыты молодого глупого мальчика, который и не предполагал, что это станет частью его жизни, важной частью, даст возможность пусть не профессионально, но проявить себя (смею на это надеяться) в замечательном виде искусства - музыке.

Адлер. Веселое. 1966 г.

"Даешь песни"

Подходили к концу школьные годы, близились выпускные, а за ними и вступительные экзамены в институт. Мое увлечение гитарой переросло в страсть. Я почти не выпускал гитары из рук, исключая конечно часы занятий и подготовку к экзаменам.

Этот, 1966 г. и несколько последующих заложили основной фундамент в мою гитарную подготовку. В эти годы я соприкоснулся и с классической гитарной музыкой.

Занимаясь в кружках, я разучивал этюды, тренировал свою технику и изучал нотную грамоту. Последнему, правда, в кружке не учили, и я даже не помню, откуда я ее мог узнать. Скорее всего, это следствие общения с Володией Сафоновым и собственное большое желание научиться играть на гитаре хорошо.

Выпускные экзамены в школе плавно перетекли во вступительные экзамены в институт. Практически всем классом мы сдавали экзамены на вечернее отделение пединститута под руководством нашего незабвенного

Игоря Константиновича Калабина. И все "черные лебеди" принимали в этом самое активное участие.

Поступили все! Но вечернее отделение предполагало одновременно и работу на школьном заводе "Чайка", куда мы и были зачислены.

Впереди нас ждали неизведанные жизненные пути, а меня непредсказуемые музыкальные дороги. А пока мы собирались в гораздо более определенную поездку - на Юг, в Адлер, на станцию Веселое, в молочно-овощной совхоз.

* * *

Впервые, та самая первая гитара, подарок отца, выезжает со мной так далеко от Москвы.

Внешний вид ее претерпел изменения. На передней деке красуется специально приклеенное белое крылышко (дань моде на электрогитары) и покрашенные белой краской, помеченные точками лады на грифе гитары. От этого ее звучание не стало ни лучше, ни хуже, но можно же немного "повообразить".

Добирались мы до места теплоходом и поездом. Какие-либо дорожные эпизоды, связанные с гитарой, мне не

запомнились. На месте же, в те моменты, когда мы не работали в поле, не купались в море, не бегали по рынкам и павильонам, я не выпускал гитары из рук. Юношеские увлечения и влюбленность подталкивали меня к тому, чтобы сочинять стихи и писать песни. Но не хватало какого-то толчка.

И вот в руки мне попался журнал "Огонек", который я лениво перелистывал, сидя на раскладушке под голубым южным небом.

На глаза мне попались стихи, на которые я бы не обратил внимания, если бы среди строк не обнаружилось упоминание о некой "девушке русой, которая возле меня". Я никак не мог пройти мимо этих словосочетаний, поскольку был в то время увлечен девушкой именно с такими волосами. В будущем мне еще не раз посчастливилось влюбляться именно в таких девушек. Как известно, все закончилось женитьбой также на русой девушке.

Но вернемся к стихотворению. Автора я, конечно, не запомнил, а в стихах было очень много, с моей точки зрения, лишнего и ненужного. И я с увлечением начал править чужие строки. Я выбросил почти все, исключая естественно меня заинтересовавшее. Волей-неволей мне пришлось сочинять свой вариант.

И это были мои первые поэтические строки этого моего нового времени.

* * *

Песни 1966-1972 годов, а их было очень много, и мы еще к ним вернемся, с позиций сегодняшних были не столь хороши и оригинальны. Много в них было от популярных эстрадных песен тех лет (А.Бабаджанян и др.). Стихотворная составляющая этих песен, если говорить о моих стихах, тоже оставляла желать лучшего.

Но в эти годы из меня бил просто фонтан творческой энергии. Я осваивал новое для себя музыкально-поэтическое пространство и искал свои пути в авторской песне.

Добавлю, что песни этих лет никак мною не квалифицировались, не фиксировался момент их создания и первого показа на публике. Тогда я еще не предполагал вести точный учет своему "творческому наследию", поэтому отнесение песен этого периода к определенному году условно, исключая быть может ту, о которой я продолжу рассказ.

* * *

Итак, песня была написана и впервые исполнена на публике. Случилось это, как мне кажется, на одном из дней рождения, которые мы справляли в летних поездках.

Можно понять мое волнение и смущение, тем более что, я выдал ее полностью за свою. Конечно в этом был свой резон. Но в дальнейшем, эта самая причина вынудила меня забыть об этой песне, и в первых списках моих песен ее не было.

Мне кажется, я сделал все, чтобы память о ней стерлась. Но песни, как говорится, не умирают. И через много много лет удивительным образом песня получила свое второе рождение. Но об этом будет рассказано чуть позже.

Пока же успешный, как мне казалось, опыт создания первой песни вдохновил меня. Мне понравилось писать стихи к своим песням, и была создана еще одна известная песня "Если бы мог я рисовать", которой была уготована долгая жизнь.

* * *

Так начиналась моя настоящая творческая деятельность.

Заканчивалось лето, впереди нас ждала трудовая жизнь - работа и учеба одновременно. Но какое же это было замечательное время - наши молодые незабываемые годы.

"Песенный обвал"

В связи с "окончанием и поступлением" я получил в подарок от родителей дорогой современный магнитофон "Комета".

Эта покупка имела большое значение как для изучения популярных музыкальных записей, так и для освоения нового песенного авторского пространства.

Записи Визбора, Окуджавы и Высоцкого многому научили меня и дали образцы, к которым можно было стремиться.

Благодаря магнитофону я впервые услышал себя со стороны, записав несколько своих песен на пленку. Надо сознаться, сам я себе не очень понравился. Зато появилась возможность откорректировать замеченные недостатки.

Особенно популярен у нас был В. Высоцкий со своими шуточными песнями и песнями из кинофильма "Вертикаль".

Тогда мало кто еще знал об основателе понятия "авторская песня", так что мы с друзьями несли в массы его творчество через записи и собственное исполнение. Тогда я еще пел очень много песен Высоцкого, наверное по молодости, по наивности, наконец по наглости.

По тем же самым причинам я стал писать и свои собственные песни. И эти произведения стали выходить из под "моего пера и струн" в огромном количестве - я сам не ожидал, что грядет настоящий песенный обвал.

За 1965-1972 годы было написано половина всех песен, сочиненных до 2001 г. Тому есть много причин.

Первые удачные опыты сочинительства, как мне кажется, подействовали на меня опьяняюще. Сам процесс освоения инструмента, определение его и моих возможностей в создании новых песен - все это вызвало целый поток самых разных по стилю и по качеству песен.

Сыграли свою роль и моя молодость, и юношеская влюбленность, и наличие предмета обожания. Все мои радости и переживания так или иначе нашли отражение в этих первых песнях.

Эти песни - самые разные. Есть слабенькие, есть получше, но все они мне очень дороги. В эти первые годы я очень много песен сочинял на собственные слова - таких около двух третей. Изредка тексты получались более или менее приличными. То же самое можно сказать и о мелодиях.

Этот песенный обвал наступил как-то сразу, неожиданно для меня. Песни рождались быстро, не было времени доводить их до кондиции. Но некоторые из этих песен, лучшие песни тех лет, остались в моем репертуаре до сих пор.

Я уже говорил, что песни 1966-1970 годов не всегда можно четко датировать, поэтому при рассказе о песнях этих лет я не буду всегда указывать точное время их создания.

О самых первых песнях я уже рассказывал, так что перейду к следующим.

Песня "Остров Романтики" на слова Эдуарда Асадова была написана в 1966 г. (осень-зима). Привлекло меня в этих словах что-то от походных туристических песен. Незамысловатый мотив, хороший ритм и прекрасные слова подарили этой песне долгую жизнь.

После этого была написана еще одна песня - "Мечтателям", как продолжение предыдущей, на мои собственные слова, а также песня "Дороги", схожая по музыкальной теме с "Мечтателями".

Увы, эти песни постепенно уходят в прошлое и забываются.

Когда я стал писать слова к своим песням, мне сразу захотелось написать собственную походную. "Остров Романтики" не подходил полностью под эту тему.

Но видно этот тип песен не так уж и прост, и мне свою собственную такую песню пришлось ждать несколько лет. Песня "Походы I" ("Поезд нас куда-то мчит") вобрала в себя и первый игналинский поход 1965 г., и чувсовской поход 1967 г., и путешествие по дельте Волги 1968 г.

Мне кажется, песня получилась искренняя, поэтому она изредка, но исполняется.

Еще одна песня тех лет, "Страна Грина", живет до сих пор. Она сразу понравилась моим друзьям. Слова, написанные мной, очень быстро были разучены, и песню пели почти все без исключения до тех пор, пока судьба и время не разбросали нас.

Большое количество песен, в большинстве своем с моими текстами, остались только на бумаге. Я их не пою, разве только что для магнитофонных записей.

Это - моя память, мои детища, мои юность и смелость.

Вот эти песни: "Маленькое фото", "Снегурочка", "Планета юных", "Увези меня", "Быть любимой", "Поздняя зима", "Струны на гитаре", "Время", "Это мы поем для Вас".

Из всех вышеперечисленных только последние две я изредка вспоминаю и исполняю.

В эти годы начал складываться своеобразный цикл песен на слова известного русского поэта-воронежца, А.В.Кольцова. Как-то сразу получилось, что песни, писавшиеся на эти слова, очень хорошо звучали под гитару.

Причина видимо в том, что стихотворения Кольцова чаще всего называются песнями. Так были написаны: "Кольцо", "Молодец удалый", Ты не пой, соловей", "Молодая жница".

Интересная история произошла с последней песней.

Каким-то образом в последующие годы она исчезла из списков моих песен (просьба не путать с историей песни о "девушке русой"). И где-то уже в конце 80-х годов, когда я по просьбе Марины Саврасовой записывал свою первую кассету и уточнял список своих песен и их тексты, в сборнике А.В.Кольцова я натолкнулся на стихотворение "Молодая жница" и песня была реанимирована. Чего только не случается в жизни песен.

Еще одна, наверное, самая моя знаменитая песня этих лет, появилась на свет очень загадочным образом.

Сразу скажу, что песня не была посвящена никому конкретно и своим рождением никому определенно не была обязана (среди моих друзей есть на этот счет определенные заблуждения).

Я говорю о песне "Милая моя, нежность", хотя поклонники этой песни называют ее просто "Нежность".

Я совершенно не помню, как она создавалась. Боюсь, что условный, 1969 г. ее рождения не точен. Либо она очень долго скрывалась мною от слушателей. Многие мои знакомые услышали ее, как новую, неизвестную, гораздо позже.

И еще. Главный рефрен этой песни - "милая моя, нежность, как я люблю тебя" - мною был прочитан на обратной стороне крышки парты в одной из московских школ. Что это за школа и как я попал туда, для меня до сих пор тайна. Песня, конечно очень "милая" и "нежная" и, к моему удовольствию, с элементами походной.

Наверное, устав от создания собственных текстов, я решил полностью переключиться на какое-то время на других поэтов.

Так были написаны песни на слова Сергея Есенина ("Королева" и "Колдунья") и М.Ю.Лермонтова ("Казачья колыбельная").

Последняя мало похожа на колыбельную, она быстрая и с жестким ритмом. Песня "Колдунья", с очень сложной гармонией, с большим количеством сложных аккордов, все-таки иногда исполняется мною.

А вот песня "Королева" начисто забыта. Не последнюю роль в этом сыграло то обстоятельство, что на слова этого стихотворения была кем-то написана другая песня. Не помню, кто был композитором той второй песни, но обе мелодии были очень похожи.

Все-таки слова каким-то образом влияют на композитора, и наверное уже в них самих заложена своеобразная музыка.

Несмотря на отдельные "проколы", в целом песни конца этого первого периода уже не такие простые (музыка) и наивные (слова), как самые первые.

Кстати, тексты я стал писать реже, а над музыкой стал работать более тщательно.

В эти же годы были написаны две песни на слова советских поэтесс Елены Серовой и Светланы Молевой: "Без нас и с нами" и "Лес да поле". Еще об одной песне мне хотелось бы рассказать подробнее.

Было время, когда песня "Тайна словаря" была моей самой любимой. Я начал ее сочинять летом, в походе 1970 г., закончил уже зимой и посвятил ее одной из участниц того похода, зашифровав ее имя в тексте песни.

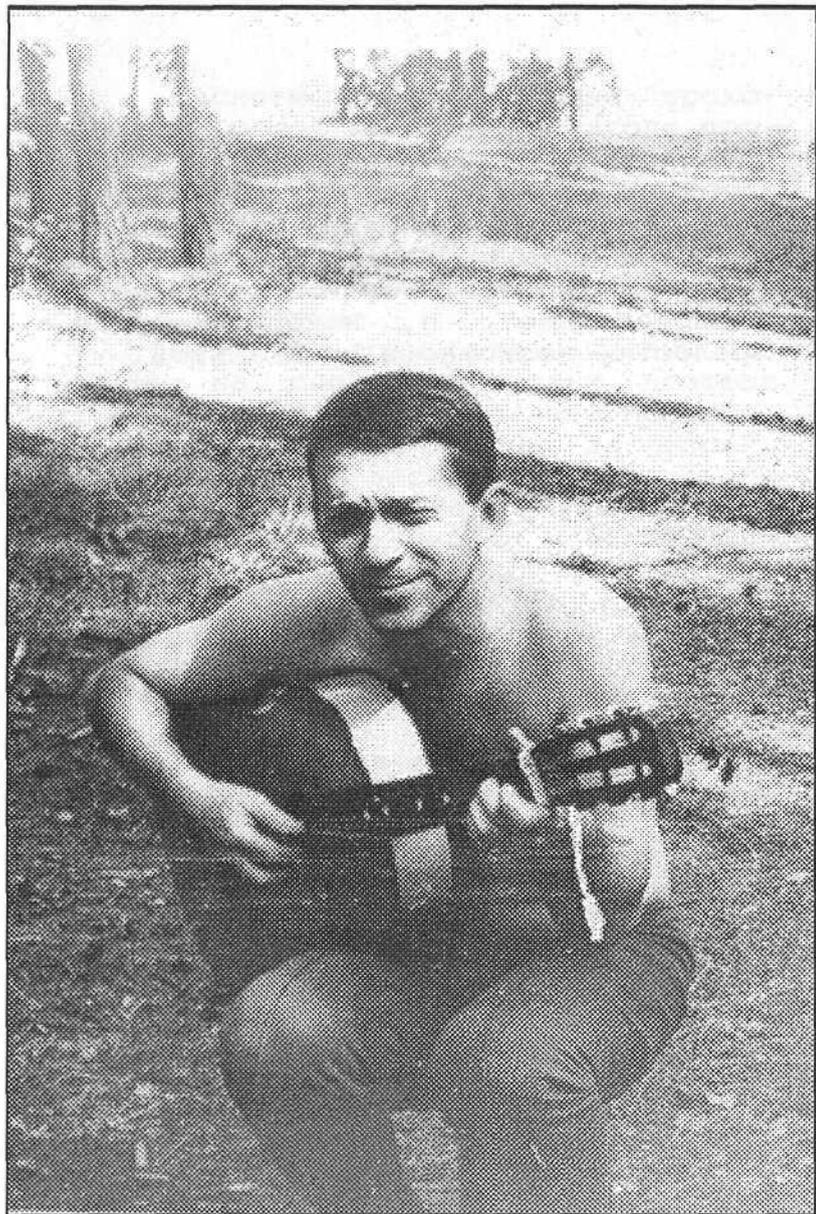
Расшифровал я его только спустя много лет на юбилейном вечере, посвященном ее ...летию.

Закончить эту главу я хочу неоконченной песней 1971 г. - "Походы II" ("Ветер шелестит в листьях").

Первые два куплета получились довольно приличными, но мне не хватило поэтических сил продолжить эту песню, хотя имеются несколько слабеньких куплетов, о которых не стоит говорить.

* * *

Итак, закончился период "песенного обвала". Впереди меня ждали служба в Армии, женитьба, рождение сына. А кроме этого, "беспесенное", "малопесенное" и, наконец, время зрелости, возможно и музыкальной.

Игналина. 1989 г.

Песни и путешествия

Ну какие же могут быть путешествия без гитары и без песен!

О самой первой поездке в Адлер я уже рассказывал. Следующее большое путешествие состоялось в 1967 г. и по насыщенности не уступало 1965 г. (Ленинград, Прибалтика).

Лодочный поход по р. Чусовой на Урале, путешествие на теплоходе из Перми до Астрахани и снова лодочный поход в дельте Волги - вот таким был маршрут путешествия 1967 г.

И впервые со мной в походе была моя гитара и мои песни.

Чусовая, правда, мало способствовала игре и пению. Дождливая, с комарами и мошкой погода, сложный тогда для нас маршрут предоставляли мало возможностей для музицирования.

Иное дело - путешествие на теплоходе. Вот уж где я и все мы вместе разгулялись на Камско-Волжском просторе.

В трюмной каюте, под мерный шелест волн, испарения рома "Бакарди" и дым кубинских сигар (я сам, правда, не курю) мы много чего пели, ху-

лиганили, записывались на общественный и купленный на общие деньги магнитофон "Романтик". Особенно запомнилась наша запись песни Высоцкого "...На Петровском, на базаре...".

Писал я сюда и свои собственные песни вперемежку с известными, популярными. Продолжали мы эти "игры" и на турбазе в Астрахани, и в походе по волжским протокам.

Небольшое отступление

Меня часто спрашивают, как это я помню всякие подробности событий, так сильно растянутых во времени? Или, быть может, я использую свои дневниковые записи, сделанные в те годы?

Небольшое количество дневниковых записей, относящихся к водным путешествиям - вот все, чем я располагаю. Остальное - это, наверное, моя хорошая память, но, скорее всего, виной тому яркое впечатление от всего мною увиденного.

Спасибо судьбе и многим моим друзьям и коллегам за эти ни с чем несравнимые часы, минуты и мгновения.

* * *

В августе 1968 г. мне посчастливилось отдохнуть в Абхазии, в селе Лидзава, что под Пицундой.

Вместе с И.К.Калабиным, Володей Ширяевым и большой группой наших девушек мы снимали помещение у местных жителей по фамилии Убилава.

К нашим хозяевам спустя несколько дней приехали молодые ребята местных национальностей, студенты, приблизительно нашего возраста.

И вот тут я впервые в живую услышал многоголосное пение в исполнении этих ребят. Это произвело на меня неизгладимое впечатление. Я навсегда полюбил эту музыку и с тех пор не могу без волнения слушать такое пение.

Я не остался в долгу и показал, чему я научился за эти годы, играя на гитаре.

В последующие годы я приезжал в этот дом еще несколько раз.

Повзрослевшие дети хозяев, их новые родственники и их дети стали моими новыми слушателями. На этот раз я выступал уже с новой программой.

Песни пелись и в застолье, и во дворе, и на балконе. Мне кажется,

мои песни были небезразличны слушателям, а мне нравились сами слушатели и эти южные вечера.

* * *

Вернемся снова к походной жизни. В 1969 г. я вновь оказался в Игнальне.

Вдвоем с Володей Ширяевым, но без гитары мы заново осваивали озерные маршруты и готовились к следующей поездке, которая состоялась на следующий год.

На это раз нас было девятеро плюс гитара. В каком-то смысле это был звездный час этого инструмента.

Я постоянно пел у костра, пел в дороге, пел на маршруте, пели все мои спутники, думаю пел и мой брат Николай, который впервые в свои неполные 17 лет путешествовал по нашим с ним Игналинским озерам.

Впервые под мою гитару танцевали здесь у костра мои друзья. Жаль, что по известной причине я не смог принять участие в этих танцах.

Было и еще одно приключение с моей гитарой, настолько удивительное, что я и сейчас не могу поверить в то, что произошло.

Однажды вечером к нашей стоянке

подошла моторная лодка с молодыми людьми, которые представились работниками турбазы. Они попросили на один день мою гитару, уж и не помню зачем. Я после некоторых колебаний почему-то ее отдал и... ничего страшного не произошло. Гитара вернулась к своему владельцу целой и невредимой, и служила мне верой и правдой еще более года. Почему так мало? Об этом рассказ особый.

Нынешнее же чудесное путешествие осталось в памяти у всех, как прекрасная, замечательная поездка, под аккомпанемент старенькой гитары в руках молодого еще гитариста.

Следующий, 1971 г. ознаменовался первым моим водным походом на плотках по реке Чусовой.

Нашу троицу на двух плотках постоянно сопровождали, догоняя и обгоняя, туристические лодочные группы с турбазы Коуровка. Когда-то и мы, в 1967 г., участвовали в таком походе.

Первая половина пути никак не способствовала игре на гитаре. Приходилось приспособливаться к новому виду водного транспорта и терпеть скверную, очень дождливую погоду. Когда же все понемногу наладилось, я на своем маленьком плоту на спокойных участках реки позволял себе брать в руки гитару. Эхо от береговых скал подпевало мне, нисколько не мешая.

Когда наши маршруты с туристами пересекались, а стоянки наши располагались неподалеку, мы навещали эти группы и конечно брали с собой гитару.

На последней такой стоянке, после которой мы пустили наши плоты в автономное плавание, мы приняли участие в грандиозном музыкальном вечере у костра. К сожалению, моя гитара не выдержала этой грандиозности и сломалась в самый неподходящий момент.

Я слишком близко подсел к жаркому костру и сначала заметил, что гитара постоянно расстраивается. В один из моментов, когда я ее подстраивал, вращая колки, задняя подставка отлетела с противным звоном, и на этом концерт был закончен.

После этого хозяева костра предлагали мне продать мою гитару даже в таком виде, уж и не знаю зачем.

Но я почему-то отказался, хотя жизнь этой гитары подходила к концу. Все же мне жаль было расставаться с ней, моей самой первой и поэтому такой дорогой гитарой.

Тем более, что вскоре представилась возможность ее починить.

После завершения маршрута мы, но уже вдвоем с Володей Ширяевым, заехали к его родному деду Паше, в г. Сатку, что на Южном Урале. И он починил ее, приклеив эту подставку своим столярным способом.

Но видно гитара уже была "не жилец", и на обратной дороге в Москву в поезде гитара упала с третьей полки.

Может быть ничего бы и не случилось, может быть мне удалось бы ее поймать, но она упала на голову нашему собеседнику и соседу по вагону. У соседа пошла кровь, а гитара после этого еще и упала на пол. Подставка не отклеилась, но передняя дека треснула, и это уже был конец.

В дальнейшем она еще некоторое время использовалась, дребезжа и поскрипывая, до покупки новой недорогой, но немецкой гитары.

Осенью же этого года нас всех призвали в армию, рассказ о моей службе в которой в отдельной главе.

* * *

К сожалению после возобновления моих путешествий гитара все реже и реже появлялась у нашего костра. В последних поездках на Игналинские озера я перестал ее брать с собой.

Причина по всей видимости в том, что мы перестали ездить большими компаниями. Нас, как правило, было трое-четверо: мой брат Николай, сын Женя, племянник Дамир, жена Соня и я в разных сочетаниях.

Исключение составляют два похода: по Юрюзани в 1973 г. сразу после демобилизации и в 1983 г. по Игналинским озерам. Особенно выделяю последний.

На этот раз уже с новой гитарой, с обновленным репертуаром и в большой компании я всласть наигрался и напелся у костра и вне его. Вершиной всего этого стал импровизированный и неожиданный концерт на оз. Пакасас. О нем подробнее будет рассказано позже.

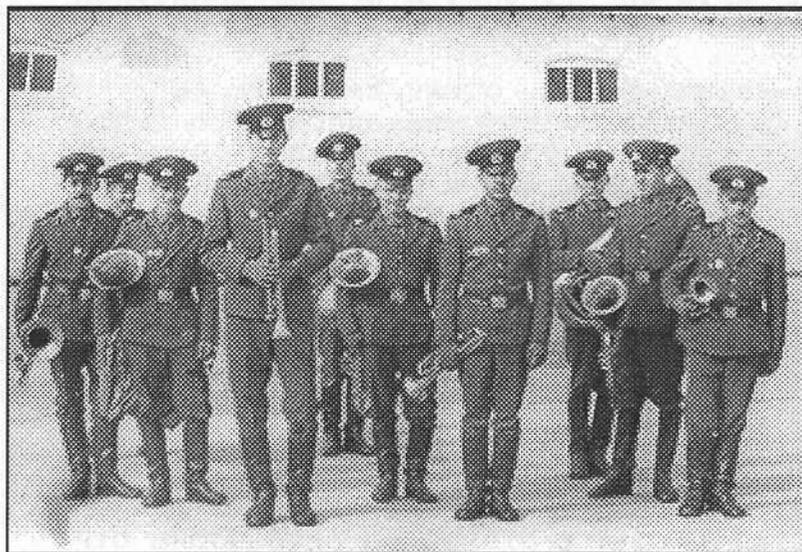
* * *

В заключение хочется сказать, что много было не допето у костра на берегах рек, озер и морей. Причины тут самые разные, начиная с отсутствия подходящей походной гитары и кончая завершением больших групповых походов.

Но не смотря ни на что, и этот вид музыкального творчества был мною освоен, хотя до встреч на КСП дело так и не дошло.

Но в этом виноват только я сам, мое, быть может, слишком критическое отношение к своему музыкальному делу.

В конце концов, у каждого свой путь, своя судьба, и по большому счету я не о чем не жалею. Хотя...

ГСВГ. Духовой оркестр. 1972 г.

Армейские мотивы

Я впервые пишу о своей службе в армии, поэтому в текст повествования иногда будут "врываться" и армейские будни.

Итак, я и многие мои друзья в ноябре 1971 г. были призваны в армию.

Вначале я попал в г.Калинин, где проводилось формирование групп для дальнейшего распределения по армейским частям. Мне "светила" (или грозила) отправка в Группу Советских войск в Германии (ГСВГ). Но прежде было десятидневное пребывание в этой калининской "пересылке".

Жили мы здесь непыльно, были кое-какие продовольственные запасы, хотя спиртное, включая все лосьоны и одеколоны, было конфисковано.

Но местные военнослужащие обеспечивали нас за соответствующую их пониманию мзду и этим продуктом.

Кроме этого, я и другие играющие на гитаре призывники развлекали их и сами развлекались игрой на гитаре. Меня выделяли как гитариста-певца, и у меня была возможность

(не знаю, на сколько определенная) остаться в Союзе (то есть в г.Калинине).

Надо было бы более активно действовать в этом направлении, но мне, почему-то захотелось побывать "за границей". И я эту возможность не упустил.

Не знаю, как бы все сложилось, проходи я службу в родной стране, но служба в ГСВГ оставила в моей душе неизгладимый след.

* * *

Не очень хорошо помню дорогу до границы с Германией.

Здесь мы пересели в необычный двухэтажный поезд, который запомнился мне абсолютно незаметным, без толчков, отправлением. Я пропущу подробности "путешествия" по Германии. В конце концов, мы, группа призывников, оказались в "Альтес-лагере", где была расквартирована наша часть - артиллерийский полк.

Да, я этот свой армейский год служил в артиллерии, хотя ни разу не видел как стреляют наши пушки, а вернее гаубицы.

Досье на всех призывников безусловно где-то имелось, так как я

сразу был замечен как педагог-математик и музыкант-гитарист.

После непродолжительного карантина я попал в батарею к старшему лейтенанту В.В.Лукьяненко, который собирался поступать в ленинградскую военную академию.

Кроме этого, как "большой музыкальный специалист", я был рекомендован (уже слышны армейские мотивы) в местный духовой оркестр, правда внештатный и не привилегированный, а совсем наоборот.

* * *

Со своим командиром я занимался математикой с большим удовольствием.

Он время от времени извлекал меня из "обоймы" моего отделения связи (я был еще и радистом), и я проводил с ним репетиторские занятия.

Забегая вперед, отмечу, что экзаме́н по математике он сдал на четверку (!). Физикой, по определенным причинам, мне с ним позаниматься не удалось. Тем не менее он все-таки поступил в Академию, и через полгода эти наши занятия прекратились.

Хочу сказать, что в отличие от моих отлучек в духовой оркестр, эти

уроки математики были немногочисленны. Но я все равно рад общению с этим красивым спортивным человеком и рад его поступлению в Академию. Думаю, что он уже, как минимум, генерал.

Вы, конечно, понимаете, что в духовом оркестре мне кроме как на гитаре играть было не на чем. Но без духового инструмента нельзя было выходить на построение в рядах оркестрантов. Мне в руки дали альтушку, самый простой духовой инструмент и я с интересом начал его осваивать.

Я изучал возможности мундштука и своих губ на нем, небольшое при этом количество кнопок на инструменте. Делал я это безо всякого удовольствия и по большому счету отбатывал пустой номер.

Основная моя задача была - крепить самодеятельность, по возможности играть на гитаре и петь. И я принял наиактивнейшее участие во всех этих действиях.

* * *

Из этих первых описаний можно сделать неправильный вывод о том, что в армии я только и делал, что пел, плясал, имитировал игру на тру-

бе и столовался у своего командира, заглядываясь на его жену. На самом деле все было, увы не так.

Столовался я редко, да и то в первые месяцы службы. Заниматься "музыкой" я мог только ближе к вечеру. Но в связи с этим я был освобожден от такой повинности, как наряды. Это, правда, не относилось к нарядам вне очереди. Такие нагрузки и мне приходилось испытывать.

Несколько раз по причине "мелких" провинностей вместе со своим дивизионом я дежурил на кухне, выполняя обязанности посудомойки. Эти суточные наряды я запомню на всю жизнь. Всего лишь часа четыре сна, остальное время - всевозможная "черная" работа.

Единственный плюс: быстрее всего дни армейской службы пролетают именно во время суточных дежурств.

* * *

Самодеятельность самодеятельностью, но в духовом оркестре было только два доступных мне инструмента: альтушка и большой барабан.

Да, мне пришлось постигать искусство игры и на этом большом инструменте.

Простота этого инструмента только кажущаяся.

Кроме того, что его просто физически трудно носить, особенно во время марширования, нужно еще и четко отбивать колотушкой "сильную долю" (насколько я понимаю этот термин). Когда военные маршируют: левой-левой, нужно отбивать именно на эту "левую". К тому же барабан звучит очень громко и ошибки ударяющего в него слышны немедленно.

А для иллюстрации всего этого я расскажу одну любопытную историю, связанную с этим барабаном.

* * *

На одном из торжественных построений "главным большим барабанщиком" был я. Основной барабанщик то ли заболел, то ли был вызван для исполнения иных функций (кажется, он владел еще и одной из строительных специальностей).

Как всегда в конце торжества состоялось прохождение маршем личного состава полка мимо деревянных трибун, на которых располагалось командование. В завершение торжественным строем должен был проходить и духовой оркестр.

Я неоднократно участвовал в такого рода ходьбе, но впервые - с большим барабаном. И надо же было случиться такому: наш старший по оркестру начал играть и маршировать с акцентом на правую ногу.

Вначале я бил по барабану, не обращая внимания на ногу и слушая только музыку. Потом я заметил, что ударяю не под ту ногу и попытался сменить свою ногу известным всем когда-либо маршировавшим способом, когда резким прыжком ее меняешь.

Сразу же после этого я заметил, что иду не в ногу со своими товарищами по оркестру и снова произвел ту же операцию со сменой ноги.

Мне кажется, что я проделал этот "фортель" несколько раз подряд и, равняясь на трибуны, заметил, что на меня смотрят с большим удивлением.

Представляю, как это смотрелось со стороны. Идущий в оркестровом строю с большим барабаном солдат подпрыгивает, как бы пританцовывая. И никто из его впереди идущих коллег этого естественно не видит.

Когда я позже им об этом рассказал, все очень долго смеялись.

Тем более, что обошлось все без каких-либо негативных последствий для музыкантов.

* * *

Я понимал, что хочешь не хочешь, а надо осваивать игру на духовом инструменте.

Во-первых, ощущаешь неловкость, когда просто держишь трубу и не играешь. Во-вторых, было интересно узнать, как это они на "этом самом с тремя кнопками" играют. И я захотел.

Естественно, не сразу и не в полном объеме, но я начал изучать это искусство.

Сразу скажу, что хотя этот инструмент (альт) и не самый главный в оркестре, и играть на нем не так уж и сложно по сравнению с корнетами и тенорами, он также необходим как и любой другой.

К примеру, если играется вальс: бум, та-та, бум, та-та, то "та-та" как раз играют альты. "Бум", понятно, играет туба и бьет большой барабан.

Когда играют марши, а это как вы понимаете - основное, альты менее заметны, но все равно без них не было бы того общего фона, создаваемого духовым оркестром.

Я так подробно рассказываю о своем новом инструменте потому, что для меня это было настоящим открытием новой музыкальной области. Прежде

я никак не предполагал, что мне придется не только "гудеть", но и "дудеть в дудку", нажимая на кнопки.

Первые полгода я наряду с "укреплением самодеятельности" худо-бедно, но осваивал свой альт.

Вначале я не понимал, как это при трех кнопках, а это всего восемь разных нот, я могу выдувать гораздо больше. Оказалось, все дело в мундштуке, в особом способе "дудения" в него и в умении "играть губами".

Я бы назвал этот способ "плеванием в мундштук". Не случайно многие трубачи часто вынимают мундштук и трясут его, освобождая от лишней влаги.

Складывая особым образом губы и не нажимая на кнопки, можно издавать различные по тону звуки.

Это наверное знакомо многим, ведь на горнах, как правило, нет кнопок. Позже мне удалось проверить это на практике.

Я продолжал набираться опыта, знакомился с нотами музыкальных произведений, которые исполнял наш оркестр, и потихоньку втягивался в работу с духовыми инструментами.

Я думаю, что так бы все и закончилось ничем в моих отношениях с альтушкой, если бы не один случай.

* * *

Рядом с нашим артиллерийским полком был расквартирован пехотный. И уж у них там конечно был большой солидный духовой оркестр. Он был профессиональным: состоял из профессионалов и в отличие от нашего был освобожденным. То есть, они занимались во время службы только этим своим делом.

Не знаю уж по каким причинам и по чьей инициативе, но наш небольшой оркестр был направлен на стажировку (на две недели) к этим профессионалам.

Мы были прикреплены к соответствующим музыкантам, и я получил себе в учителя альтиста. Я забыл, к сожалению, его имя (может быть Данилов), но эти две недели дали мне очень много.

Думаю, что после этого я мог бы уже играть, естественно на альте, в полупрофессиональном оркестре. Что дает мне смелость так утверждать? Один забавный случай.

В отличие от основных духовых инструментов альтушки не играют мелодии. Они как бы заполняют пустоты, оставленные другими. Поэтому просто на слух играть на альте трудно. Играть по нотам и долго-долго трениру-

ются - репетируют. Все две недели мы этим и занимались.

Под руководством своего наставника, молодого музыканта, я с сумасшедшей скоростью осваивал науку духового оркестра. Я заучивал наизусть множество новых партий, сдавал зачеты и экзамены по военным маршам, одним из которых был марш военно-воздушных сил "Все выше и выше...".

Партия альта в этом марше была одной из самых сложных. Она не сводилась просто к "кваканью", как во многих других, а была достаточно оригинальной. Над ней мы с моим наставником работали особенно тщательно.

После того, как мы закончили эту работу, я сдал по ней зачет своему преподавателю. Причем, по собственной инициативе играл вслепую.

Эта моя игра, довольно продолжительная по времени, почему-то так поразила моего учителя, что он собрал своих коллег, чтобы продемонстрировать это мое умение.

К сожалению я не смог повторить этот "номер" в силу излишнего волнения и стечения большого количества профессионалов.

Тем не менее я с большим удовольствием всегда вспоминаю эти две недели, хотя все навыки уже давно утрачены и я не смог бы, наверное,

извлечь нужные звуки даже из горна.

Заканчивая рассказ о духовых инструментах, не могу не вспомнить еще об одном - выше упомянутом горне.

* * *

В нашем полку (как, наверное, в каждом?) имелся еще один вид дежурства или наряда - дежурство сигнальщика.

На этой "работе" необходимо было сыграть подъем, призывы на завтрак, обед и ужин, отбой и возможные другие позывные.

Чаще всего на суточное дежурство в нашей "музыкалке" при клубе заступали наши трубачи-солисты. Но иногда доставалось кое-что и нам - барабанщикам и альтистам.

Дежурство было "непыльным" - о функциях я уже говорил. Хотя и сопутствующие работы приходилось выполнять.

Это - уборка клуба в одиночку (как правило ночью), различные поручения зав.клубом, иногда даже очень опасные. Как-то раз из-за этого у меня отобрали военный билет службы соседнего полка, правда, без последствий.

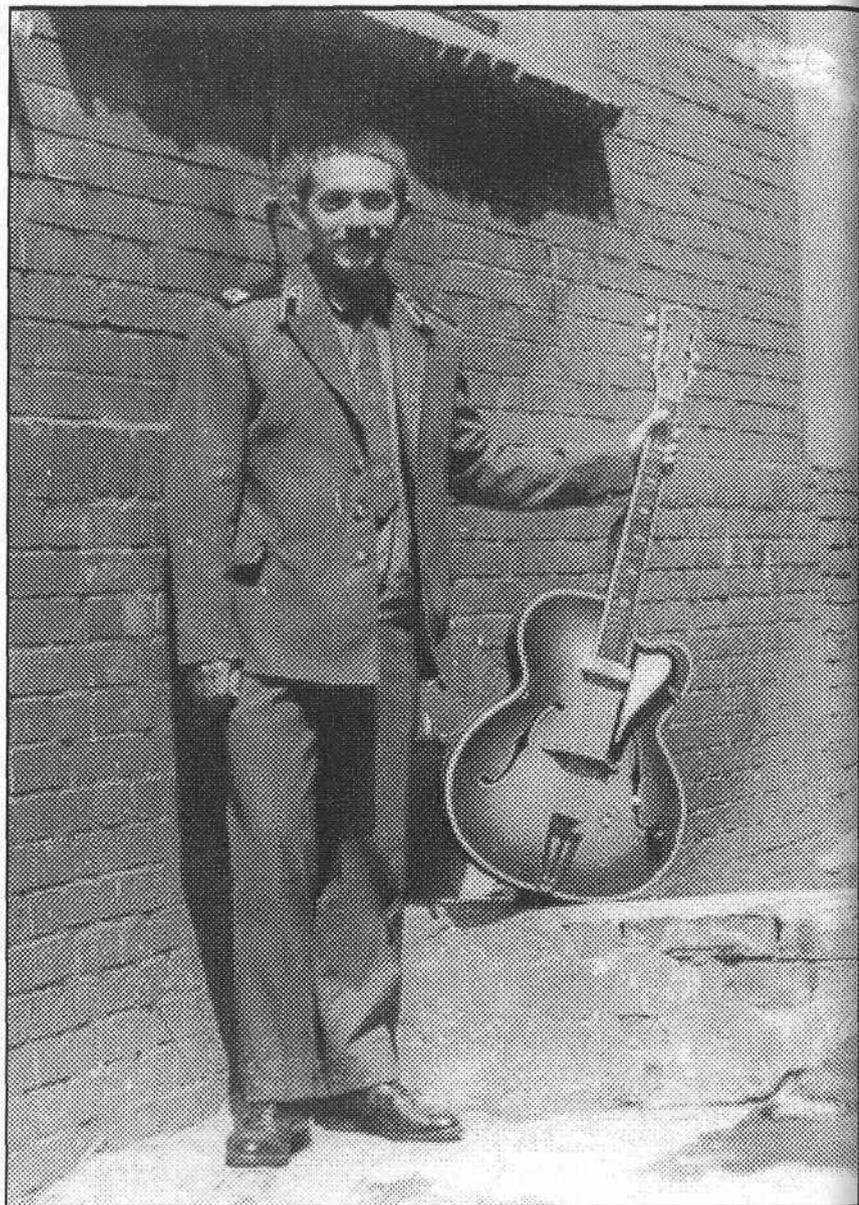
Но главное, это работа с горном. Самые сложные партии: сбор на завтрак - обед - ужин, а также более редкая - общий сбор полка - "заря". Самый простой - отбой, всего две ноты - "ОТ-бой".

Для меня тяжелее всего было сыграть "подъем".

Раннее утро, подъем в 7 часов, тишина, все, кроме дежурных, спят. Самое трудное (для не профессионала) издать первый звук и не сфальшивить - это трудно и удавалось не всегда. К счастью, большинство начальников в музыке мало что понимало.

* * *

С тех пор прошло уже много-много лет. Всю тогдашнюю науку я конечно, успешно забыл, но осталось ощущение, что я тогда неплохо владел инструментом и это дало мне немало в моем музыкальном образовании.

ГСВГ. У стен клуба. 1972 г.

Армейские мотивы

(Продолжение)

Конечно, труба - трубой, но рассказ об армейских мотивах будет неполным без гитары и пения.

Тем более, что попал я в "музыкалку" как раз из-за этого своего умения.

Начну с того, что в нашем оркестре был замечательный барабанщик, игравший "на гражданке" в большом эстрадном ансамбле.

Стараясь не потерять "форму", он соорудил специальные приспособления для тренировок.

Наклеенные на железные пластины резиновые накладки, являясь тренажерами, были практически бесшумными, что в условиях подвального помещения "музыкалки", где мы базировались, было немаловажно.

Тогда я окончательно понял, что в музыкальном эстрадном коллективе барабанщик является главным действующим лицом наряду с солистом-вокалистом.

Забегая вперед, скажу, что во время выступлений перед публикой мы с ним несли основную нагрузку.

Итак, мы готовились к смотру художественной самодеятельности и возможным другим выступлениям.

У нас в ансамбле было две гитары: одна красивая, но тихая, другая — совсем простая, с самодельным звукоснимателем. Последняя звучала сильнее, и на ней можно было солировать.

Я играл на второй, хотя солировал на ней очень редко (не мой профиль) и, в основном, играл басовые партии.

Аппаратура наша состояла из усилителя от кинопроектора и черных чемоданов-динамиков от него же.

В дополнение к этому у нас был замечательный высококачественный микрофон, который очень помогал нам в пении и нисколько не искажал голоса поющих.

Некоторые номера у нас были подготовлены с участием баяна, а также трубы. Я уже говорил о нашем замечательном ударнике.

Слушавшие нас офицеры и прапорщики говорили, что мы играем и поем гораздо лучше, чем ансамбль в Доме офицеров. Пустячок, а приятно.

И что мы только не разучивали: и песни "Битлз", и народные песни в современной (нашей) обработке, какие-то переложения советских, польских, белорусских, украинских и других песен.

В общем, это была хорошая музыкальная школа.

Готовили мы номер и для смотра художественной самодеятельности дивизии, выбрав замечательную песню военной тематики, эстрадную, как раз для вокально-инструментального ансамбля (ВИА).

Все шло хорошо. Но на одной из последних репетиций с участием руководства полка нашу песню чуть было не забраковали.

Дело в том, что в припеве этой песни, который особенно хорошо у нас получался, звучали слова "стой, не стреляй солдат, не спеши опять свой курок нажать". Именно эти строки, вырванные из контекста песни, но особенно звонко звучащие в нашем исполнении, вызвали неудовольствие у старших офицеров.

Хотя и прежде они слышали нашу игру, на этот раз состоялось бурное обсуждение этого номера.

Представляете наше состояние при обсуждении номера прямо на глазах музыкантов.

Но, видимо, разум все-таки возобладал, и наша песня была допущена к смотру.

Надо сказать, что в смотре участвовали многие военнослужащие нашего полка.

Особенно много их было в хоре. Художественным руководителем хора и всей нашей программы был прапорщик, который сам хорошо играл на рояле, пел и, по всему видно, был интеллигентным человеком, что довольно редко для этого контингента.

От нашего полка было представлено много номеров. Было и хоровое пение, и выступление ВИА, и сольные номера с национальным уклоном и без оного.

Ваш покорный слуга участвовал во многих номерах. Про наш ВИА я уже говорил.

Кроме этого, я пел соло с хором песню "у леса на опушке жила зима в избушке", в составе квартета (или квинтета) пел песню "Шел отряд по берегу" и соло на гитаре - песню "Я сегодня до зари встану".

Именно последний мой номер позже был выбран для смотра самодеятельности дивизии.

Вообще самодеятельность нашего полка показала себя с очень хорошей стороны и была отмечена на уровне дивизии и выше.

И это дало повод руководству нашего полка объявить на одном из построений благодарность всем участникам самодеятельности, а мне - предоставить отпуск с выездом на Родину.

Стоит обратить внимание на то, что в истории ГСВГ это был случай беспрецедентный.

На памяти офицеров было всего несколько таких отпусков. Однажды этого удостоился один художник, что-то очень серьезное оформивший.

В другой раз - кто-то из солдат строительной специальности. Но чтобы, певец-музыкант - такого никто припомнить не мог.

Таким образом, прослужив всего полгода, я удостоился такой чести, которой не заслужили многие отличники боевой и политической подготовки.

К этому времени я не успел еще "пройти физику" со своим комбатом, но это не остановило меня, хотя он и просил отложить эту поездку.

Но представляете себе, что я почувствовал, когда мне объявили об этом отпуске.

* * *

Я плохо помню дорогу до города Бреста. В самом же Бресте мне предстояло ночевать в ожидании утреннего поезда до Москвы. Но мне так хотелось побыстрее попасть домой, что я "переиграл" поезд на самолет и уже вечером того же дня приземлился в аэропорту Быково.

Непередаваемое ощущение я испытал, подходя к двери нашего дома.

Я никак не решался нажать на кнопку звонка, настолько был взволнован предстоящей встречей с родными.

Своих близких я застал за накрытым столом. Оказалось, что это — проводы в армию моего брата Николая.

Бывают же такие совпадения! В любом другом случае я бы не успевал его проводить. Кстати, он также проходил свою службу в ГСВГ.

О том, как я провел эти 12 дней в Москве (я сэкономил на дороге два дня) и как я возвращался обратно в Армию — особый рассказ, достойный отдельной новеллы.

Но скажу одно — обратно ехать мне совсем не хотелось.

* * *

Возвращаясь к моим выступлениям вне стен нашего полка, напомним, что мой сольный номер с песней "За того парня" был выбран для показа на дивизионном уровне.

Я несколько раз пел эту песню со сцены, играя на самых разных "местных" гитарах. А однажды мне досталось петь и играть, стоя перед микрофоном, установленном в центре футбольного поля на стадионе в Ютербоге (штаб дивизии).

На этом выступлении и на продолжении истории с этой песней я останавлиюсь в другой главе.

* * *

Только не подумайте, что мне "служба казалась медом".

Конечно же у меня был дембельский календарик, в котором я вычеркивал проведенные в армии день за днем.

Время тянулось бесконечно. Ощущение, что ты находишься взаперти не покидало меня ни на миг.

Слава богу, у нас практически отсутствовали неуставные отношения - "дедовщина", в их крайнем проявлении. Но все равно существовала иерархия старослужащих, "дедов", "стариков" и "салаг".

В каком-то смысле это было оправдано, так как во время учений, коих здесь было большое количество, во время смотров и проверок командиры опирались в основном на опытных и знающих военнослужащих, на которых ложился основной груз профессиональных заданий.

Это мое личное мнение, и кто-то может со мной не согласиться.

Мне кажется, что неуставные взаимоотношения возникают тогда, когда нечего делать, нет контроля со стороны офицеров и прапорщиков, и эти последние сами заинтересованы, так сказать, в саморегулировании серой солдатской массы.

Я немного покривил душой, когда говорил, что ощущение запертости не покидало меня ни на миг.

Были случаи, когда удавалось вырваться из под тотального контроля. Это были выезды на так называемую "дружбу".

* * *

Наш эстрадный ансамбль выезжал в близлежащие городки и поселки на встречи с немецкими подростками, приблизительно 8-9 классов.

Мы "крепили дружбу" посредством музыки, танцев, иногда спортивных состязаний. В ответ нас угощали скромным немецким ужином.

Вот это были настоящие отдушины в нелегкой службе в ГСВГ.

Но у этой ситуации была и обратная сторона - приходилось возвращаться в суровые армейские будни.

И хотя таких выездов было всего несколько (плюс отпуск с выездом на Родину), каждое возвращение воспринималось как новый призыв на службу.

Но только в самый первый раз ты не знаешь, что это такое. Не случайно, что всем демобилизованным первое время снятся кошмарные сны о том, что их вновь призывают по каким-то причинам на армейскую службу.

* * *

Но вернемся вновь к музыкальной теме.

Настраивая перед выступлением нашу аппаратуру, я впервые столкнулся с понятием евророзетки.

Трудности с ее подключением приводили к "вырубанию" электричества в данном помещении. Но пробки не перегорали, срабатывал кнопочный автомат, и в конце концов нам удавалось "запустить" нашу супераппаратуру.

Наше выступление не было просто концертом. Сейчас бы это действие назвали дискотекой.

Мы обслуживали таким образом танцующих, в том числе и небольшое количество офицеров и особо отличившихся в службе солдат, которые выезжали с нами, одни для контроля, другие для крепости скрепляемой дружбы.

Здесь нет никакой иронии. Мне кажется, это лучший, особенно с молодежью, способ создания теплой дружеской атмосферы.

Ну, мы в такой обстановке и "давали жару".

Что мы только не пели. Это и "Об-ла-ди, об-ла-да", Битлз; их же "Girl" и "Yesterday" почти на правильном английском.

Звучали песни и вашего покорного слуги, уже к тому времени написанные: "Молодец удалый", "Струны на гитаре" и другие.

Особенно хорошо звучала быстрая, но короткая песня "Кольцо".

При этом приходилось повторять куплеты, перемежая их "ляляканьем". Еще раз хочу здесь напомнить о неоченимой роли при этом нашего ударника (барабанщика).

Я позволял себе иногда дурачиться, исполняя понравившуюся мне песню на "неизвестном" языке.

Была, помнится, одна песня "Песняров" - "Александрина", слов которой я не знал. Поэтому пел я ее на псевдоанглийском языке (припоминаете интермедии с переводчиком Державина и Ширвиндта), нисколько не смущаясь того, что кто-нибудь может меня не понять.

Это, как сейчас говорят, было классно.

Иногда мы разрешали кому-нибудь из нашего коллектива спуститься со сцены вниз и поразвлечься, танцуя с немецкими девочками и со стороны оценивая наше выступление.

Не разрешалось это только двоим - вы конечно догадались кому.

Скажу, что я чувствовал себя настоящим, но демократичным, руководителем ансамбля. Хотя у некоторых из моих коллег было музыкальное образование, меня, без оно, признали номинальным лидером группы.

Мы называли наши выступления между собой халтурой. Тем не менее мы долго и упорно готовились к этим редким выездам, разучивая новые номера.

Так мы исполняли вдвоем с моим тезкой-гитаристом песню "Червона рута" на его родном украинском языке, песню польского ансамбля "Трубадуры", русский текст к которой придумал я.

Иногда мы делали паузы в наших выступлениях. В эти моменты и нам с барабанщиком разрешалось спуститься вниз и "потусоваться" среди молодежи.

Иногда удавалось перехватить и немецкого пивка - это нас угощали втихаря офицеры. Перепадало кое-что и покрепче - маленькие радости наряду с музыкальными.

И снова на сцену к нашим песням и танцам.

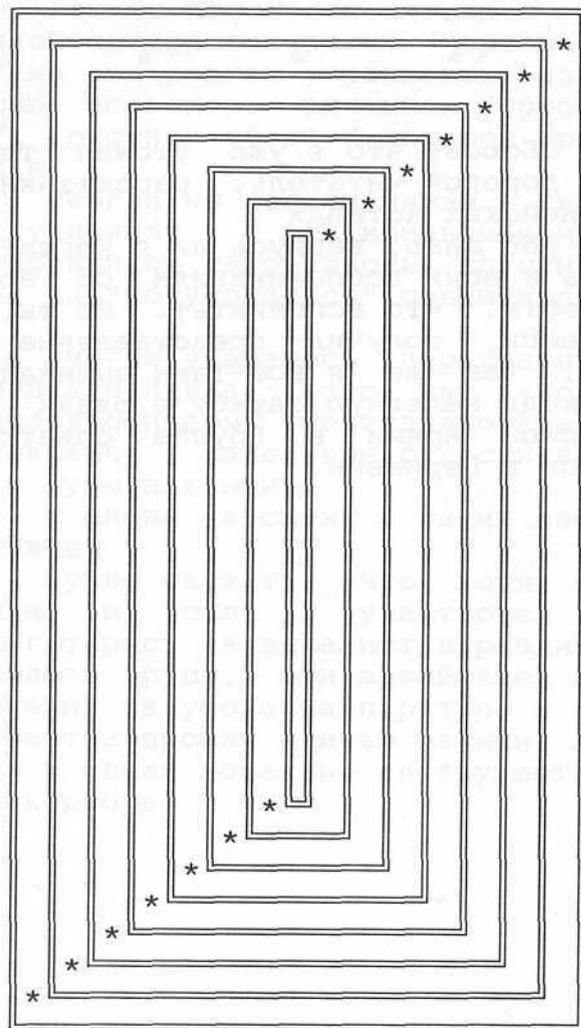
Нужно сказать, что хотя и до армии, и после я участвовал как бас-гитарист и вокалист в различных составах групп, эти армейские выступления на убогой аппаратуре и инструментах-дровах считаю самыми лучшими в своей вокально-инструментальной карьере.

* * *

* * *

Боюсь, что я уже утомил тебя, мой дорогой читатель, рассказами об "армейских мотивах".

Не знаю, вернусь ли я когда-нибудь к моим воспоминаниям об армии (а есть, что вспомнить). Но ты, я надеюсь, получил представление о том, чем же я все-таки занимался, проходя нелегкую службу в рядах Советской Армии в Группе советских войск в Германии.

Командировки, командировки

Самой первой и особенно длительной командировкой в моей жизни, причем заграничной, можно считать армейскую службу (см. предыдущие главы). Но до настоящей первой служебной командировки было еще далеко.

Сам рассказ стоило бы начать с первой диспаковской командировки 1978 г. в Палангу, где я впервые выступил в качестве диспаковско-бэсмовского гитариста и после которой стал, смею надеяться, своим человеком в этой компании единомышленников.

Но прежде состоялась моя самая первая командировка в г.Ригу, в Юрмалу, в Лиелупе. Послали меня туда на учебу, с целью повышения квалификации. Никаких музыкальных событий тогда не произошло за исключением одного, но очень важного.

Во второй половине этой командировки я приобрел в Риге недорогую, но приличную ленинградскую гитару.

Эта покупка дала мне, во-первых, возможность повеселить моего соседа по номеру, но самое главное,

позволила продолжить использование гитары в походах.

Эта гитара пришла на смену самой первой в моей жизни отцовской гитаре. Здесь стоит сказать, что к этому моменту у меня уже была хорошая немецкая гитара "Muzima", которую я всячески оберегал от погодных и других катаклизмов.

Но вернемся в Палангу.

Я уже пять лет после возвращения из армии работал в ВЦ, сопровождая и изучая операционную систему Диспак на самой лучшей отечественной ЭВМ - БЭСМ-6. Впервые я попал на встречу специалистов этого профиля, собравшихся со всех концов Советского Союза в этом курортном литовском городе.

* * *

Я так упорно повторяю - БЭСМ-6 и Диспак потому, что этот коллектив единомышленников был уж очень хорош.

Одна на всех любовь и одно пристрастие на долгие годы объединили этих людей, живущих в разных городах и республиках.

Важно то, что вся эта программно-аппаратная среда жила и развивалась. Все эти люди не просто эксплу-

атировали, а творчески развивали, улучшали систему, находили в ней слабые места.

Я благодарен судьбе за то, что и я был участником этой работы и всех событий, связанных с ней, в том числе, конечно и поездок.

И первой из них была осенняя командировка в Палангу.

* * *

До этого меня еще мало кто знал из диспаковцев, но здесь мне удалось познакомиться со многими, ставшими на долгие годы моими друзьями. И не последнюю роль здесь сыграла моя гитара и мои песни.

К этому времени у меня в репертуаре было уже большое количество песен, в том числе и моих собственных.

Я с огромной радостью и упоением показывал слушателям все, что я умею, и они мне в ответ дарили свою благодарность и любовь. Особенно следует отметить один любопытный эпизод.

После заключительного банкета, состоявшегося в загородном лесном домике, где на первом этаже была сауна, на втором - банкетный зал, а

рядом с домом протекала река, нас отвезли на наши "осенние" квартиры.

После шумного банкета я крепко заснул, но вскоре почувствовал, что меня будят.

Оказалось, что среди нашей многочисленной компании обнаружился еще один гитарист (возможно местный), и мои новые друзья не могли пережить такого унижения.

Меня подняли, одели, дали в руки гитару, и началось... соревнование "акынов".

Несмотря на то, что я был "не в форме", я не подвел своих болельщиков, и невзирая на начало своей "концертной" деятельности, выглядел вполне достойно.

Прощались мы до скорой встречи очень тепло, а у меня появилось множество друзей и знакомых в самых разных уголках страны.

И новые встречи не заставили себя долго ждать.

* * *

Несколько лет подряд чередовались командировки в два замечательных места: Киев и Ташкент.

И здесь вновь продолжилось покорение мною новых вершин гитарного

творчества и завоевание все новой и новой аудитории.

Во время посещения Киева я вспоминаю два эпизода.

Первый из них - празднование дня рождения М.А.Копытова в огромном номере гостиницы, где, по-моему, разместилось около ста человек, и где, конечно, не обошлось без песен.

Второй - в гостинице Феофания на окраине Киева, может быть даже под Киевом.

Красивейшая лесистая местность, прекрасная погода, замечательные слушатели - все это не могло не вызвать желание играть и петь.

Самой популярной песней той поездки была песня А.Суханова на слова А.Фета "Качели" ("...И опять в полусвете ночном..."). Мне даже кажется, что эту песню я в той поездке что называется "заиграл" - слишком уж часто она исполнялась, став очень популярной среди слушателей.

* * *

В солнечном Узбекистане я был даже чаще, чем в Киеве - шесть раз.

Вдали от Ташкента мы жили в таких прекрасных горных местах, как Кумышкан (трижды), Су-Кок и Сумча.

Дыни, арбузы, виноград, сладкий перец, рыба судак, книжный магазин в Паркенте, многочисленные чайханы, незабываемый колорит рынков, архитектура Самарканда и многое-многое другое - все это трудно забыть.

И дай бог, чтобы когда-нибудь это снова можно было бы прочувствовать лично.

Непосредственно в Ташкенте несколько раз мы жили в так называемой "экспедиции", райском уголке, оазисе в жарком столичном городе. Ну и здесь мы не могли обойтись без песен.

Сидя под абрикосово-персиковыми деревьями, под аккомпанемент журчащего рядом ручья, мы пели наши любимые песни так долго, что ночная прохлада заставляла нас врасплох.

Пел песни и играл на гитаре я и в горах, сидя по вечерам на открытых верандах с видом на горы.

Особенно запомнился вечер, переходящий в ночь в Су-Коке.

Как всегда началось с моих выступлений. Постепенно слушатели сами распелись и, перехватив у меня инициативу, вспоминали такие песни и романсы, которые давно уже не исполнялись в нашей компании.

Последним путешествием моим и моей гитары по Узбекистану было посещение местечка Сумча.

Небольшое количество участников, почти домашняя обстановка, в которой мы находились, способствовали особому вдохновению при исполнении песен и особенному звучанию гитары.

Общее впечатление от посещения Средней Азии осталось самое светлое.

Ни жара, ни неожиданная прохлада в горах не мешали музыкально-песенному единению моих коллег и друзей. Здесь же я получил свое неофициальное звание - музрук Диспака.

* * *

Песенные воспоминания Иркутска и Байкала не так ярки, как предыдущие.

Скорее всего это объясняется теми впечатлениями, которые остались от посещения сказочного озера, от путешествия по хрустальной Ангаре и пребывания в бухте Песчаная и в Сарме, напротив острова Ольхон.

Но и здесь у костра, на берегу озера звучали старые и новые песни, и гитарные звуки оглашали прибрежные скалы и ущелья.

* * *

Командировка в Свердловск, на базу отдыха Кунгурка состоялась зимой 1989 г. Сказочная солнечно-снежная погода, всевозможные спортивные соревнования - всем этим запомнилась та поездка.

Почти каждый вечер мы собирались послушать и попеть песни. Запомнился один вечер, на котором я впервые выступил с сольным концертом, в котором звучали только мои собственные песни.

Еще одна командировка на Урал была в г.Миасс. Здесь мы жили недалеко от красивейшего озера Тургояк, на берегу которого также звучали песни и романсы.

Здесь же с дочкой Вити Самофалова из Свердловска мы пели некоторые песни дуэтом, и это у нас здорово получалось.

* * *

Две командировки были связаны у меня с Ленинградом и ленинградской областью.

Одна, диспаковская, в Гатчину, где я удивительным образом заболел. Точнее заболел по дороге в Ленинград за одну ночь, проведенную в поезде.

Я промучился всю поездку, и это существенным образом повлияло на качество и количество моих выступлений здесь.

На замечательном вечере, проходившем в номере-люкс Баскова Евгения Ивановича, читались стихи, пелись песни.

Своим охрипшим голосом я тоже пел в полумраке номера. И впервые в моей карьере меня "отпустили с миром", поняв, что я с трудом, "сжав зубы", пою и играю свои песни.

Такое случилось пока всего один раз - пусть повторения не будет.

Другая поездка в Ленинград была уже не диспаковская. Мы съехались на один день, чтобы поздравить того же Евгения Ивановича Баскова с 60-летием.

На торжественной встрече, где было произнесено много теплых слов в адрес юбиляра, я спел наверное первую мою песню-посвящение.

На мотив песни о Ленинграде с ЭВМ-тематикой песня была тепло принята слушателями.

Очень многие подпевали мне, так как слова были незамысловатые, а мелодия всем знакомая: "...Если ты с малых лет другом БЭСМа слынешь, ты поймешь меня, друг, ты поймешь".

На следующий день я не уехал в Москву. Оставшись в Ленинграде еще

на несколько дней (была найдена производственная причина), я наслаждался красотами северной столицы и продолжил свои выступления в номере гостиницы для оставшихся в Ленинграде коллег.

* * *

Я думаю, что мои выступления и игра в этих поездках дали мне очень много в смысле творчества и стимулов к дальнейшему совершенствованию всех его направлений.

Я понял, что сочиняю, пою и играю тем лучше, чем заинтересованней меня слушают мои замечательные слушатели, от которых я получаю дополнительную энергию, возвращаемую им бескорыстно и безусловно.

Я не могу здесь их не вспомнить.

Это Регина Александрова, Витя Самофалов, Марина Саврасова, девушки из Прибалтики и с Украины, Турин В.Ф., Света Зельдинова, ребята из Ташкента, Гена Волошин, Леня Абрамович, Алла Осипова из ИТМ и ВТ, конечно мои коллеги и друзья из ВЦ РАН и многие многие другие, которых я от всей души благодарю за их терпение, доброту и участие во всех моих музыкальных начинаниях.

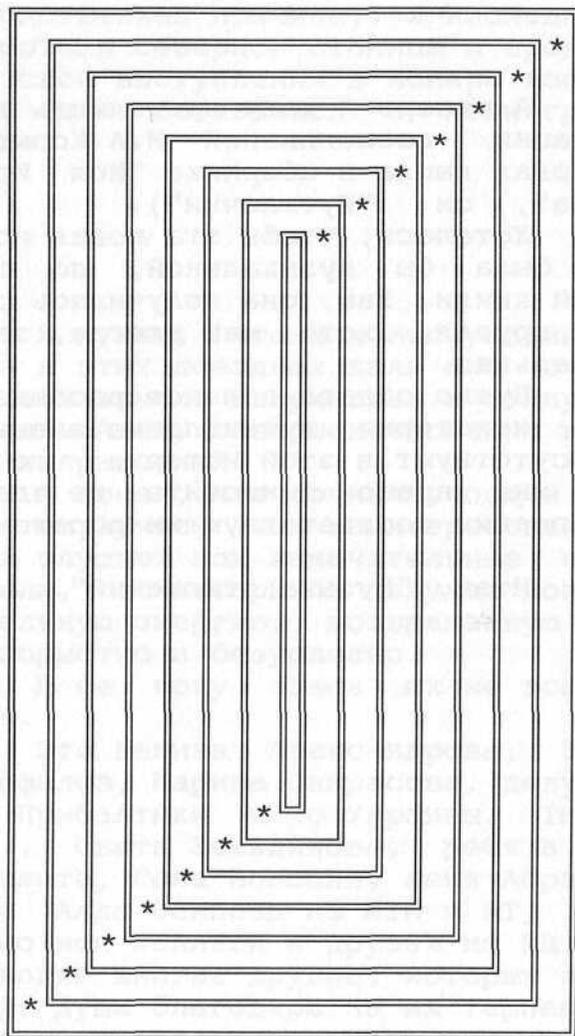
* * *

А теперь я хочу продолжить публикации воспоминаний М.А.Копытова (Первая вышла в сборнике "Моя Игналина", см. "Бутылочки").

Хотелось, чтобы эта новая история была бы музыкальной, по теме этой книги. Увы, она получилась совсем другая, хотя, как всегда, замечательная.

Нужно отдать должное рассказчику, некоторые музыкальные элементы присутствуют в этой истории, что дает мне право поместить ее здесь, озаглавив соответствующим образом.

Итак, "Музыка отношений"...

Музыка отношений

(Из рассказов М. А. Копытова)

...Русские и немцы. Как много интересного в их взаимоотношениях.

Вся наша история буквально пронизана ими: немцы на русском троне, войны, немецкие учителя (всякие там Карлы Ивановичи).

Вспоминается начало повести Лескова "Железная воля".

Разговаривают два русских генерала. Один спрашивает другого, почему русские чаще всего побеждают прусских в военных сражениях. Другой ему отвечает, что происходит это по той причине, что немец, хотя все и рассчитает, и продумает, но русский такую глупость завернет, о которой ни один немец додуматься не сможет.

* * *

Мы и похожи и в то же время очень разные. Во время своих многочисленных встреч с немецкими коллегами я смог сам в этом убедиться.

Знаменитая немецкая точность. Если договорились о встрече в 10:00, то значит ровно в 10:00 немецкие коллеги придут без опоздания, появятся минута в минуту.

Не опаздывать - это, понятно, мы тоже можем - придем пораньше.

Но для меня всегда было загадкой, как это в Москве с ее нерегулярным и беспорядочным движением транспорта они умудряются прибыть точно в срок.

Однажды я все-таки подсмотрел, как они организуют немецкую точность в городе Москве. Оказывается, ничего особенного они не изобрели.

В тот раз я, чтобы не опоздать, прибыл загодя и случайно увидел, как они спокойненько прогуливаются по улице, поглядывая на часы (меня они не видели), а потом ровно в 10:00 предстали перед нами с блестящими глазами (о, какие мы точные!).

Причем козыряние своей точностью всякий раз выглядит еще и как укор нашей российской непунктуальности.

Но как-то раз в Берлине, во время командировки, где работая на ЭВМ БЭСМ-6 в самое разное время суток, мы с В.Ф.Тюриным посрамили немцев и в этом вопросе.

Итак, договариваемся об очередной встрече в машинном зале, в 7 утра.

Коллеги соглашаются и при этом многозначительно переглядываются, заранее зная, что эти русские физически не смогут прибыть вовремя с другого конца большого города.

По расписанию электричка прибывает примерно в 7:15, далее еще минут 10 пешком. То есть, по их расчетам наше прибытие возможно только в 7:30, не ранее.

Ничего не сказав нам об особенностях расписания электричек, они сами пришли в 7:30, предвкушая увидеть неловкость опаздавших русских.

Каково же было их удивление, когда они узнали, что мы прибыли точно в назначенное время.

Они действительно правильно все рассчитали, а нам, дабы попасть на предыдущую электричку, пришлось не спать всю ночь, чтобы, как говорится, "не посрамить земли русской". Но маленькая победа была все же за нами.

Точно по Лескову: "русский такую глупость завернет, о какой ни один немец не додумается".

* * *

Вспоминая прошлое, мне кажется, что все время шло состязание между железной немецкой волей и русской сущностью.

Немцы любят (опять Лесков вспоминается) заранее все продумать и в дальнейшем действовать по выбранному плану автоматически. Заставить их изменить план очень трудно, почти невозможно.

Мы же другие, часто вообще действуем без плана. Точнее этот план создается по ходу дела, в результате обсуждения, так сказать, в пути.

* * *

Проводили мы как-то летом совместный семинар на Байкале, на острове Ольхон. Как потом выяснилось, это был вообще первый случай, когда иностранцы ступали на эту землю.

"Смотри, немцы", - говорили местные жители с удивлением.

Так вот, немцы жили в столице острова - Хужире, в местной гостинице - деревянном бараке с удобствами во дворе. Это приводило их в восторг: экзотика, о которой потом долго можно рассказывать.

Наши же соотечественники из-за недостатка мест в гостинице разместились в палатках на берегу Байкала, километрах в трех от Хужира.

Каждое утро мы приезжали из своего лагеря на автобусе, завтракали в местной столовой и проводили утреннюю часть семинара в помещении клуба.

Далее обедали в той же столовой и, закончив вечернюю часть семинарского дня, расставались со своими немецкими коллегами, уезжая в свой лагерь.

И вот настал последний день семинара.

В программе на этот день намечалось только утреннее заседание, а вечером был запланирован большой "банкет" у костра в нашем лагере, куда должны были прибыть и немецкие гости.

Как всегда утром мы приехали в Хужир, позавтракали и собрались около клуба перед заключительным заседанием семинара.

Естественно, начинают рождаться идеи, как сделать, чтобы было лучше.

Кто-то говорит: "Ребята, а не поехать ли нам сразу в наш лагерь и не ходить в этот пыльный клуб, который нам порядком надоел. Завершим там нашу научную программу, затем что-нибудь перекусим. Будем играть на берегу в волейбол и футбол и, лю-

буясь красотами Байкала, дожидаться вечернего банкета".

Большинству эта идея нравится, но я высказываю опасение, что немцы не примут этот новый план, поскольку он противоречит старому распорядку.

Меня уговаривают, и я отваживаюсь на разговор с профессором Майером, руководителем немецкой делегации.

Подхожу к немецкой группе (их было тогда человек 20) и излагаю им наш замечательный план.

Вначале он, как я и предполагал отвергается. Но затем начинается его обсуждение.

Я чувствую, что общая усталость от науки, экзотика поездки, будущие спортивные состязания (русские против немцев), порядком надоевшее им пребывание вдалеке от Байкала перевешивают.

Они решаются на невероятное - изменить план - и соглашаются с нашим предложением. Они только просят паузу в 30 минут, чтобы дойти до гостиницы и сменить сорочки и галстуки на спортивную форму одежды.

Немцы удаляются на переодевание, а мы остаемся их ждать. Тем временем наш "собор" продолжается.

"А на хрена это нам сейчас ехать к себе, когда можно быстро закончить все здесь за полчаса, а по-

том преспокойненько до вечера отдыхать, кто как захочет?", - изрекает кто-то.

Многие поддерживают это новое предложение, и новый план кажется более привлекательным. Российская привычка сверстывать планы по ходу дела срabатывает.

Я соглашаюсь обсудить этот новый план с профессором Майером и иду навстречу переодетым в спортивную одежду немцам.

На их лицах радостное возбужденное выражение. Они еще не догадываются о нашем новом плане.

Я начинаю рассказывать о нем, и тут до меня доходит вся сложность возникшей ситуации.

Ведь они и так уже совершили поступок, согласившись на изменение первоначального плана.

Я читаю в их глазах непонимание и чувствую, что они оскорблены и воспринимают все происходящее, как издевательство.

Хотя с нашей точки зрения все выглядит нормально и естественно. Сначала решили так, потом подумали и решили по-другому.

Наверное так могли возникать международные конфликты и даже начинаться войны.

Всё оценив и взвесив, принимаю самостоятельное решение: едем, как

договорились в лагерь, а вновь рожденный план - это так, мнение некоторого меньшинства. Будем считать это шуткой. Конфликт улажен.

* * *

Таких эпизодов много...

Но я вспомнил, что меня просили припомнить какую-нибудь "музыкальную историю" и особо не растекаться мыслью по древу.

Поэтому завершаю свое эссе рассказом о прощальном банкете все на том же байкальском семинаре.

* * *

Итак, Байкал, поздний вечер, огромная луна на ясном звездном небе, большой костер на берегу.

В некотором отдалении от костра ряды столов с закуской и спиртом.

Между прочим, спирт, разведенный байкальской водой - это лучшая из водок, которую я когда либо пробовал.

Главная закуска - омуль на рожнях.

Рожни - это такие деревянные рогульки, которые в большом количестве натканы вокруг костра, а на рожнях свежий выпотрошенный омуль.

В то лето, кстати, впервые за многие годы был снят запрет на ловлю омуля, и устроители семинара, иркутяне, наловили его в большом количестве.

От жара костра омуль вялится и получается великолепная экзотическая закуска. Ну, словом, все идет своим чередом: тосты по очереди и т.д.

Но я опять несколько отвлекся.

Естественно, после того, как торжественная часть закончилась, начались импровизированные выступления наших бардов.

У иркутян был свой хороший бард, которого мы с удовольствием послушали и дружно попели вместе с ним хором.

Конечно, эту часть программы мы специально не готовили, полагая, что наши таланты раскроются естественным образом, импровизационно, в чем мы не ошиблись.

И тут, когда наша культурная программа уже завершалась, мы увидели, что немцы тоже собираются выступать.

Оказалось, что это было частью их программы. Но в отличие от нас они ее специально готовили и не раз репетировали.

Они сгруппировались вокруг профессора Майера, в руках которого появилась гитара.

К нашему удивлению у каждого члена немецкой делегации в руках оказался блокнот с песнями. По команде старшего они дружно листали свои блокноты и добросовестно исполняли выбранную песню, заглядывая в них.

Большинство песен звучало на русском языке. Песни были из репертуара русского студенчества конца 60-х годов (многие из них учились в русских Вузах).

Я сейчас уже точно не помню этих песен. В памяти почему-то вертится одна дурацкая, у которой был такой припев:

Глори, Глори, алилуйя
И поехал на Кавказ...

Наверное среди этих песен не было особо ярких, но вот их поющая группа с блокнотами у костра, с играющим профессором Майером осталась в памяти на всю жизнь.

Вот пожалуй и все музыкальное, что я смог вспомнить в связи с немецкими впечатлениями.

А далее все прочие музыкальные воспоминания связаны исключительно с незабываемыми концертами Ю.П.Рогова, один из которых также на Байкале, в поселке Сарма у костра без немецких коллег и совсем на другом мероприятии состоялся в присутствии наших дорогих друзей - славных изобретателей волшебной БЭСМ-6.

Но это уже другая, "не немецкая" страница нашей жизни.

P.S. По независящим от издателя причинам в текст рассказа вкралось упоминание о вашем покорном слуге. Решено все же оставить вышеприведенный текст без изменений.

Ю.П.Рогов

Моя "рижская" гитара

Мои инструменты

Давайте с вами поговорим о музыкальных инструментах.

Самым первым из них была, скорее всего, детская шарманка. Мелодия на ней, чаще всего русская народная, извлекалась вращением ручки по часовой стрелке.

Активность игрока, то есть меня, могла проявляться только в изменении скорости вращения и в создании пауз различной длительности. "Инструмент" часто не выдерживал таких пассажей и ему на смену приходил другой.

Таким другим могла стать дудочка, в которую можно было только дудеть, нажимая на клавиши или закрывая дырочки, не выводя при этом какой-то определенной мелодии.

Более музыкальным и самым моим любимым в детстве инструментом был металлический ксилофон - металлофон.

К нему часто прилагались своеобразные ноты, помогавшие играть на нем музыкальные фрагменты. Правда, отсутствие некоторых полутонов (это я узнал позже) не давало возможности подбирать любые мелодии.

Но в детстве у меня был и более "совершенный" инструмент - расчёска, обернутая бумажкой. На этой расческе я мог исполнять любую известную мне мелодию, позволяя себе и импровизации. Под этот инструмент мы с братом часто устраивали семейные выступления перед родными и близкими.

Обратите внимание, что все эти инструменты так или иначе связаны с духовой и ударной группой. Не случайно наверное и в армии я "попал" на большой барабан и на альтушку - инструменты той же группы.

* * *

Но пора уже переходить к струнным инструментам.

Как уже известно читателю, первая моя гитара появилась, как подарок отца, к моему 12-летию, то есть в 1961 г.

Активно осваивать ее я начал только в конце 1965 г. Верой и правдой она служила мне до 1971 г., стойко перенося тяжелые погодные и другие испытания, в конце концов их не выдержав.

Дальнейшая ее судьба покрыта туманом, но все-таки это была замечательная гитара.

* * *

Не могу не вспомнить еще об одной старинной гитаре, принесенной как-то отцом после 1966 г.

По моему это была семиструнная гитара, принадлежавшая когда-то его родственникам. Гитара была отделана перламутром, имела старинные колки, но совершенно не "строила".

Сейчас я жалею, что не отремонтировал ее. Быть может эта гитара была исторической реликвией, которой, по моему, было лет сто.

Тем не менее, деталь от нее, её гриф был взят за основу для изготовления моей первой электрогитары, вернее бас-гитары. Ее мы с друзьями мастерили на заводе "Чайка", где совмещали работу с учебой в институте.

Эта бас-гитара совсем недолго служила мне в моих выступлениях в родной 546 школе и на самой "Чайке".

Ее судьба еще более туманна. Кажется я подарил ее одному из сотрудников ВЦАН СССР, куда я перешел в апреле 1968 г.

* * *

Незадолго до призыва в армию я сделал себе замечательный подарок.

В магазине "Лейпциг" (тогда он располагался на Ленинском проспекте) я купил немецкую акустическую гитару "MUSIMA". Выбирая из всевозможных импортных гитар, я остановился на недорогой, но очень красивой гитаре. Стоила она 40 рублей, была дешевле других (60 рублей в среднем) и не обладала звонкостью более дорогих. Но и эта сумма была тогда для меня довольно большой.

Кстати, много позже, когда эти гитары подорожали, мы с мамой сделали моему брату подарок - купили одну из тех дорогих немецких гитар. Брат пока редко играет на ней, а я всегда беру ее в руки, когда прихожу к маме с братом в гости.

Долгое время свою немецкую гитару я особенно берёг. В походы и командировки ее не брал, оберегая от природных стихий и человеческого фактора.

Со временем отношение к ней изменилось - она стала выезжать за пределы Москвы, но только в командировки. Все выше сказанное привело к тому, что до сих пор она не потеряла своих музыкальных достоинств, хотя всячески скрывает свои вновь приобретенные и старые недостатки.

* * *

Кроме авторской песни я бредил еще и рок-музыкой. Но для игры в вокально-инструментальной группе нужна была электрогитара.

Поскольку на соло (ритм) гитаре играл мой друг Валера Лавыгин, мне нужна была бас-гитара. К тому же, как вокалисту, мне было легче играть именно на таком инструменте.

Купить в то время бас-гитару было трудно, да и дорого. Поэтому мне рекомендовали одного умельца, который занимался изготовлением такого рода инструментов.

Мои хождения за этой гитарой - особый разговор и довольно длинный. Как заказчик я неоднократно посещал мастера, участвуя иногда и в застолье. Затем были долгие денежные расчеты и наконец бас-гитара окончательно стала моей.

В нашем ансамбле, состав которого менялся со временем (до армии и после армии - два разных состава), было два постоянных члена: я, со своей бас-гитарой и Валерка, с чешской акустической гитарой, снабженной звукоснимателем и самодельным усилителем.

Конечно, если сравнивать с армейскими выступлениями, мы смотрелись чуть хуже, и, я уверен, из-за ударника. Конечно, наш ударник в ГСВГ был настоящим профессионалом.

Наш же гражданский ансамбль был скорее концертным, чем "танцевальным". По большому счету мы не могли заменить диск-жокея с его записями на дискотеке.

Моя бас-гитара была очень громкая и сочная, и компенсировала отсутствие полного набора ударных инструментов наряду с наличием ударника-любителя.

Еще одна не очень приятная особенность этого моего инструмента — ее изготовитель не позаботился придать ей легкость веса. А у меня после выступлений от переноски таких тяжестей побаливало левое плечо.

Мне нравилось исполнять партию бас-гитары. Выходил я на сцену, испытывая большое воодушевление. Правда, при этом мне хотелось играть и на ритм-гитаре, и даже на ударнике, хотя, как вы помните, кроме большого барабана с колотушкой мне не приходилось играть на инструментах такого рода.

Конечно не обходилось и без песен. Исполнялись популярные песни

советских ВИА, собственные композиции коллективного творчества и песни вашего покорного слуги. Не исполнялись только песни на иностранных и "неизвестных" языках. Публика в ВЦ — более искушенная в лингвистике, чем армейская.

После распада нашего ансамбля и с прекращением проведения всяческих "вечеров" в ВЦ моя бас-гитара долгое время пылилась дома, время от времени пробуждая воспоминания о минувших годах и почти уже легендарных выступлениях. Пока мой сын не отдал ее временно, с моего, конечно, разрешения, одному своему приятелю-однокласснику.

Сын уже давно окончил школу, затем институт, несколько лет уже трудится в одной фирме, а гитара пока еще находится в долгосрочной аренде. Мне кажется, пора бы ей уже вернуться.

* * *

После того, как моя первая гитара, подарок отца, вышла из строя, мне необходима была другая, простая гитара для походов и поездок.

Но только в 1976 г. во время командировки в Ригу я купил себе но-

вую относительно недорогую гитару. С ней я побывал в разных уголках нашей Родины и дал не один концерт на ее широких просторах.

Она путешествовала со мной по Прибалтике, была в Средней Азии и на Байкале, на Урале и в Киеве, звучала на берегах Черного и Балтийского морей.

У этой гитары набежал огромный трудовой стаж. Она поиздержалась, как говорится, в дороге, потрескалась и перестала "строить". Сейчас она доживает свой век в квартире моих племянников по линии жены.

* * *

К этому времени у меня на вооружении осталась только одна гитара - немецкая. Этого было недостаточно для успешных репетиций дома и игры в стенах ВЦ на наших дружеских чаепитиях.

Для того, чтобы не таскать гитару туда и обратно необходима была еще как минимум одна. И такую гитару я купил на средства профкома в магазине на Неглинной.

Она оказалась даже звонче немецкой, даром что была снова ленинградской. После этой покупки я мог

спокойно музицировать как дома, так и на работе.

К тому же мог брать ту или другую гитару "на вынос" в зависимости от времени и места этих выносов. Так "рабочей" у меня стала немецкая, а домашней - отечественная акустическая гитара.

* * *

Но этим "дело об инструментах" не закончилось. Я давно уже ходил и "облизывался" около дорогих испанских и немецких гитар. Они были мне не по карману, но уж очень хотелось поиграть на хорошей гитаре.

И вот, в 1999 г. у меня появилась такая возможность. Мне исполнилось 50 и меня одарили самыми разными подарками, в том числе и в денежном эквиваленте.

Я долго раздумывал над этой возможностью - все-таки, очень уж это было дорого. Несколько раз я ездил смотреть на предмет моего вождения, но все никак не мог решиться на эту покупку.

Наконец, в начале 2000 г. я в последний раз решил съездить в музыкальный магазин для решения этой своей проблемы. Оказалось, пока я

раздумывал, гитары в очередной раз подорожали и их цена превысила предельную сумму, которую я выделил для такого подарка.

Слегка расстроившись, я зашел еще и в соседний музыкальный магазин, где раньше я видел только очень дорогие инструменты.

На этот раз там был новый, особый и недорогой завоз. Я выбрал себе не самую дорогую испанскую гитару (150\$) и, счастливый и довольный, покинул стены дружественного магазина.

Я думал, что уже никогда не буду радоваться по-детски покупкам и подаркам. Оказалось, это не так.

Всю дорогу от магазина до станции метро (15 минут) я улыбался всем встречным и был неимоверно счастлив этой своей покупкой. Даже ради этого нужно делать себе такие подарки.

Но гитара была безусловно хороша. Самое легкое прикосновение к ее струнам рождало такие мощные звуки, что после игры на этой гитаре я даже боялся брать в руки две свои другие.

Разница была огромная, и я наконец понял, что значит играть на хорошем инструменте.

Таким образом у меня образовалось три гитары, что, конечно, много.

Учитывая к тому же, что количество походов и поездок резко (не

то слово) уменьшилось, я думаю им, гитарам, предначертана долгая жизнь.

Наверное, я теперь не скоро куплю себе новый инструмент, тем более после покупки последнего, такого замечательного.

Хотя может быть это будет и не гитара вовсе, кто знает. Музыкальные пути и пути самого музыканта неисповедимы.

* * *

Но вернемся к нашему повествованию, в конец 1972 г., когда начался "странный" период моего песенного творчества.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Где же земля без жены?

Интересная мысль...

На заворках страны?

Только тут не ленись!

Ну а как за столом?

Я уверен и здесь!

Висс
Лавин

Афанасьев

"Автограф" на схеме Пермской обл.

Странности второго этапа

Песенный "обвал" фактически закончился с призывом в ряды Советской Армии. В армии были свои песни и своя музыка.

Песни 1972 - начала 1973 гг. "Потому, что ты пишешь стихи", "Чувства как руки в замке" стали отголосками первых лет сочинительства и были чем-то похожи на ранние песни. Хотя все-таки стоит отметить последнюю из них.

Мне кажется, впервые текст этой песни у меня получился вполне достойный. Но несмотря на это, песня не имела долгой сценической жизни, а все мои попытки вернуть ее "на сцену" пока не увенчались успехом.

Во всяком случае двумя вышеупомянутыми песнями я прощался со своей юностью, со своими яркими увлечениями прошлых лет и, конечно, не знал, что ждет меня и мои песни в будущем.

Я продолжал писать новые песни, хотя и не в таком количестве, как прежде.

Я пришел к выводу, что нужно писать песни-посвящения, адресованные конкретным людям. Именно такой стала песня "Когда усевшись за столом", посвященная Володе Ширяеву.

В 1973 г. ему исполнилось 25 лет, и песня была отголоском наших прежних с ним путешествий, время которых к сожалению заканчивалось.

К кольцовскому циклу добавилась еще одна песня "По-над Доном" и была написана песня "Застольная" на слова Павла Антокольского.

Но главное, что произошло в моей жизни в этом, 1973 году - я встретил свою любовь, будущую свою жену, хотя знакомы мы были с ней еще со школы.

В жизни происходят странные и удивительные вещи. Мы иногда проходим мимо своего счастья, которое буквально в нескольких шагах от нас.

На этот раз этого не произошло и на следующий год мы отпраздновали нашу свадьбу.

К этому времени я написал еще две песни, посвятив их своей будущей жене.

Песня "Солнышко", наверное, самая оригинальная моя песня. Текст, навеянный стихами А.В.Кольцова, его земляка И.С.Никитина, был своего рода, подражанием их поэтическим строкам.

Вторая песня на слова И.С.Никитина "Зашумела, разгулялась" исполнялась мной на нашей свадьбе.

В этих песнях звучит беспокойство за будущее нашей семьи, а сами песни чисты в своей музыкальной и поэтической искренности.

Через год у нас родился сын, а у меня наступил "период застоя".

Я практически перестал писать песни.

Кое-что из старых заготовок требовало доработки. Из новых, две песни на слова И.С.Никитина "Удаль и забота" и "Отвяжися тоска" так и ушли в небытие, оставшись где-то на катушечных пленках.

Еще одна песня, законченная в 1976 г. в командировке (Рига-Юрмала) и посвященная моей жене, мне кажется является лучшей из написанных на собственные слова.

В этой песне ("А прочее неважно") мне удалось, по моему мнению выразить, какие чувства я испытывал в те замечательные молодые годы к своей супруге и маленькому сынуле.

Следующей песни пришлось ждать целых два года, а еще одной - аж, целых три.

* * *

Трудно дать какие-либо объяснения этому факту. Тогда я над этим не задумывался. Сейчас же прошло слишком много лет, чтобы восстановить все причинные связи.

Мне думается, я был просто чертовски счастлив от того, что стал отцом, что влюблен в свою жену безумно, что сложились замечательные отношения с новыми родственниками - родителями жены.

И ведь нельзя сказать, что мне было не до гитары. Я веселил своих родных разными забавными песнями, пел старые незабытые.

А новых не писал!?

Наверное, являясь поклонником лирических, грустных и философских песен и создавая прежде именно такие, я не мог ничего с собой поделаться - не сочинялось!!

* * *

Только в 1978 г. перед командировкой в Палангу я написал еще одну песню на слова А.В.Кольцова "Не весна тогда".

Эта песня, как выяснилось позже, оказалась неплохой. Моим новым слушателям она понравилась. И она уже немного отличалась от прежних кольцовских песен.

В эти годы поездок и командировок я много пел и мало сочинял. Но однажды мне пришлось писать песню по заказу.

* * *

Заказ этот был связан с поездками на сплавные работы.

Сплав - это, конечно, отдельный разговор. Я был на этих работах всего три раза, а мои друзья - больше десятка.

Для этих поездок была необходима "сплавная" песня, гимн, который меня и попросили написать.

Я очень старался: писал текст, подбирал мелодию. И вот в 1981 г. я выставил ее на суд моих товарищей, и не только по сплаву.

Это было - что-то. Худсовет, состоящий из ветеранов сплава, тщательно разбирал каждую строчку в песне. Высказывались замечания и слышались отдельные слова одобрения. Выявлялись какие-то, с их точки зрения, смысловые неувязки. Такого я никогда ни до, ни после не испытывал.

Я учел кое-какие замечания и поблагодарил всех за науку. Вскоре песня была закончена.

В песне очень много сплавной терминологии, непонятной непосвященному. Поэтому часто приходится объяснять слушателям смысл некоторых строк.

А название "Интересная мысль" и такой же рефрен в припеве появились сразу после просмотра на сплаве замечательного фильма "Москва слезам не верит".

И, наконец, на одном из дней моего рождения мои друзья подарили мне карту Пермской области - место нашей дислокации на сплаве - с надписью, набором строк из этой моей песни:

Пять недель без жены?
Интересная мысль!
На задворках страны -
Только тут не ленись.
Ну а как за столом?
Я уверен, и здесь!,

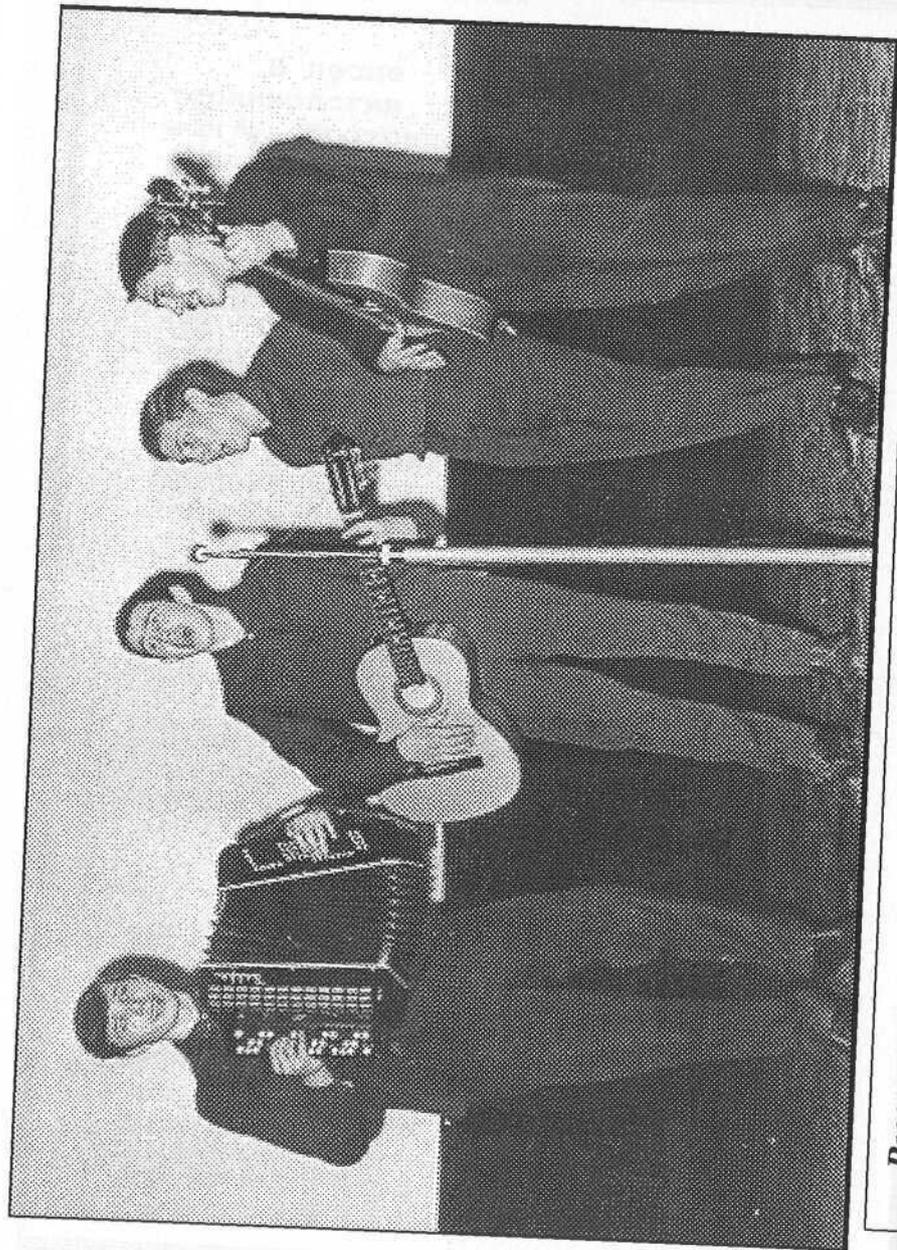
которая мне страшно нравится.

Возможно после этой песни или по каким-то другим причинам "лед все-таки тронулся".

Толчком к написанию следующей песни ("Мастер", сл. Давида Самойлова, 1982 г.) стала свадьба Толика Дувакина. Эту песню я посвятил ему и спел ее на их с Танечкой Сидоровой торжестве.

* * *

Песней "Мастер" заканчивается "странный" период в моем песенном творчестве. Впереди ждали новые, более интересные песни, наступало время зрелости, в том числе и песенной.

Выступление ансамбля "Черные лебеди" в К/т Ангара. 1966 г.

Самые знаменитые выступления

Я в очередной раз прерву последовательный ход повествования и расскажу о некоторых запомнившихся мне встречах с моими слушателями, о самых памятных моих выступлениях.

Таких было много, самых необычных, разной степени знаменитости и известности.

Я выбрал для рассказа несколько. Среди них есть удивительные и простые, неповторимые в будущем и, возможно, ждущие своего повторения.

Я не везде буду соблюдать хронологию событий, да это здесь и не очень важно.

* * *

Я уже писал об ансамбле "Черные лебеди". Кроме наших выступлений в школе было еще одно - в близлежащем кинотеатре "Ангара" (март 1966). Это было мое первое выступление перед такой аудиторией и с такой большой сцены.

Кроме нашего ансамбля в концерте принимали участие многие наши одноклассницы. Сам же концерт был повторением выступления на игналинской турбазе в 1965 г. Но теперь уже ребята были с гитарами и не уступали ни в чем поющим девчонкам.

Помню сильное волнение перед выходом нашей группы на сцену. И очень хорошо запомнились финальные аплодисменты после окончания нашего выступления.

Да, ради этого стоит выступать и творить.

* * *

"Армейские будни" тоже подарили мне несколько замечательных музыкальных мгновений.

Вы уже прочитали о моей практике барабанщика и выступлениях нашей музыкальной группы на встречах с немецкой молодежью ("дружба"). Но самым необычным было мое выступление на стадионе в г.Ютербог, штабе дивизии.

Этот концерт дивизионной самодеятельности был приурочен к какой-то знаменательной дате. Я запомнил, что это был за день, но происходило все это летом, по крайней мере, было тепло.

На мероприятии, проводившемся на городском стадионе, играли духовые оркестры, лучшие подразделения проходили торжественным маршем перед заполненными трибунами.

Состоялся и праздничный концерт, участники которого выступали, располагаясь в центре футбольного поля. Здесь же стояли микрофоны и находилась другая аппаратура.

От нашего полка было заявлено, вернее, выбрано, несколько номеров. Одним из них был номер с песней в моем исполнении. Эту песню, "За того парня", я пел неоднократно, но впервые - на стадионе.

Я вообще не представлял, что можно так выступать, тем более, как говорится, "в прямом эфире". Уж и не помню, но кто-то (дай бог ему здоровья) предупредил меня об особенностях выступлений такого рода.

"Ни в коем случае", - говорил он, - не прислушивайся к тому, что будет звучать из динамиков во время твоего выступления, а пой себе и пой". Позже я понял, насколько он был прав.

В центре футбольного поля был расстелен огромный ковер, на который выходили по очереди выступающие.

Микрофон находился метрах в пяти от говоривших и поющих. Произно-

симое в микрофон звучало затем в огромных динамиках, расположенных по всему периметру поля. Но что самое главное, звучало все это с некоторым запаздыванием.

Так что слушать это озвучивание было никак нельзя, потому что на первых же звуках тебя это сбilo бы с ритма.

Не помню, как я все это допел, но очень хорошо помню всю грандиозность звучания песни на огромную многотысячную аудиторию и какую-то гордость за "себя и за того парня".

* * *

Кто бы мог предположить, что "армейские мотивы" будут звучать и после моего увольнения из армии.

Через несколько месяцев после этого знаменательного события в моей квартире раздался телефонный звонок.

Звонили мне офицеры нашего дивизиона: командир, замполит и старшина батареи. Они приехали в Москву за молодым пополнением, остановились в гостинице и очень захотели меня увидеть. Кажется, они хотели, чтобы я показал им Москву.

Прибыв на место, к гостинице, что недалеко от метро "ВДНХ", я понял, что никуда мы не поедem.

Все вместе мы пошли в ресторан, где я чувствовал себя не совсем ловко, тем более, что через некоторое время эта неловкость возросла еще больше.

Мои командиры пытались договориться с местным ансамблем о том, чтобы я под их аккомпанемент что-нибудь спел. Музыканты всячески сопротивлялись, но сопротивление вскоре было сломлено при виде денежных купюр.

Когда я поднялся на сцену, я увидел кислые физиономии оркестрантов. На мой глупый вопрос, играют ли они песню "За того парня", я получил ответ, что они играют **всё**.

И я начал петь, как потом выяснилось, не совсем так, как поет эту песню Лев Лещенко.

Подыгрывающие мне музыканты вначале были несколько смущены таким оборотом, но очень быстро перестроились. Кроме этого я заметил появившиеся внизу танцующие пары. Чтобы продлить этот танец музыканты "запаяли" большой музыкальный проигрыш.

По окончании моего выступления мои опекуны попытались договориться о продолжении "моего концерта", но из этого ничего не получилось.

Ну, а конец вечера ознаменовался совсем уже конфузной историей.

Пригласившие меня были задержаны милицией (вернее, один из них) за кое-какие воинские нарушения, связанные с формой и оружием.

Я, посчитав, что мой концерт закончен, раскланялся и быстро растворился в темноте местного парка.

* * *

Очень хорошо помню свое первое выступление в Вычислительном центре, состоявшееся в марте 1968 г.

Поступил я туда только в апреле того же года, но мои друзья, уже работавшие там, порекомендовали меня для этого выступления.

Это был самый разгар моего "песенного обвала", и лучшие из моих песен прозвучали со сцены.

Концерт был посвящен женскому празднику, и в зале собрались в большинстве своем сотрудницы ВЦ и немногочисленные жены сотрудников.

Мой репертуар настолько соответствовал времени и месту, что реакция слушателей была просто оглушительной.

После концерта и после того, как я стал членом коллектива ВЦ, ко мне неоднократно подходили и благодарили за доставленное удовольствие.

Мне кажется, что именно с того самого концерта я стал известной личностью в институте, которой продолжаю оставаться уже четвертый десяток лет.

* * *

После того знаменательного концерта я еще много раз выходил на эту сцену в самом разном качестве: и как солист инструментального ансамбля, и как исполнитель авторской песни.

Много лет спустя состоялся мой сольный трехчасовой концерт в актовом зале ВЦ.

Я был встречен очень тепло, хотя многие слушатели уже и забыли меня как музыканта.

Перед началом выступления инженер нашего института, "технар", Эдик Горбатов, выйдя на сцену, "представил" меня и попросил публику вести себя потише, так как он будет записывать концерт на пленку.

Вот это он сказал зря, потому что в течение всего моего выступления зрители сидели "как мышки", не аплодируя и, наверное, не дыша.

Мне было очень трудно, я не ощущал ответной реакции зала. Кроме

того бурные и продолжительные аплодисменты, кроме приятных эмоций дают возможность передохнуть выступающему.

И так продолжалось три часа. Кроме своих я пел песни Б.Окуджавы, Ю.Визбора, Е.Бачурина и многих других авторов. К концу выступления голос мой сильно ослаб, но в конце концов я был вознагражден за свой доблестный труд.

По завершении выступления раздалась такие оглушительные и продолжительные аплодисменты, каких я никогда еще не слышал на своих концертах. Это дорогого стоит.

* * *

Помните фильм "Верные друзья", где после успешного выступления в клубе речников один из приятелей говорит, что следующее их выступление - в Колонном зале Дома Союзов.

Не знаю, удалось ли им дать такой концерт, но вот мне довелось выступить на этой замечательной сцене.

Это было время совместных предприятий (СП) и кооперативов нового времени. СП "Диалог" - совместное советско-американское предприя-

тие, в котором участие принимал и наш Вычислительный центр, отмечал свой юбилей в Колонном зале.

Группа сотрудников ВЦ, и я в том числе, готовила музыкальное выступление к этому вечеру. Среди нас были два гитариста, балалаечник, пианистка и еще несколько участников театрализованного представления.

Руководил всей нашей подготовкой, будучи членом нашей группы, Сергей Антимонов, позже ставший главой ЗАО "Диалог-Наука".

Многочисленные репетиции и длительная подготовка дали свои результаты. Мы замечательно выступили при стечении огромного количества зрителей.

В нашем представлении было несколько музыкальных номеров: русские народные мелодии, американская песня "We shall over come", которую мы особенно здорово исполняли даже на репетициях.

Была среди этих номеров и песня "Ландыши" (этот цветок был частью логотипа СП "Диалог"), которую запевал я, а затем подхватывали мои коллеги.

Кроме нашего было много и других поздравлений, но наше не затерялось в общей массе, а я смог записать в свой актив еще одно незабываемое выступление.

* * *

Казалось бы, ну какое может быть выступление в туристическом походе. Конечно, пение у костра с натяжкой можно назвать выступлением.

Но все-таки одно замечательное представление мне посчастливилось дать в одном из игналинских походов.

На этот раз нас было семеро. Это был последний многолюдный поход. Я запоем пел свои новые песни, песни других авторов, разученные мною к этому времени.

И вот однажды вечером после ужина состоялось то памятное выступление. Я уже неоднократно рассказывал эту историю, но с большим удовольствием делаю это еще раз.

Я сидел на берегу озера, недалеко от палаток.

Напротив нашего лагеря темнел необитаемый остров. Слабо пригревало закатное солнце, пытающееся зацепиться за верхушки сосен, чтобы продлить удовольствие наблюдающим за его закатом.

У меня в руках гитара, а в памяти большое количество песен, которые рвутся наружу. И я выпускаю их на волю.

Понемногу темнеет, голос звучит в тишине удивительно звонко. Я получаю огромное удовольствие от собственного пения, слышу похвалы своих друзей и не собираюсь заканчивать эту приятную процедуру.

Вдруг с удивлением замечаю, что постепенно лодки с соседних туристических стоянок начинают подбираться все ближе и ближе к нашему берегу.

Я уже слышу разговоры в лодках, в которых объясняют вновь подошедшим, что здесь происходит, и советы послушать замечательного исполнителя.

Я долго не прекращаю свое пение, хотя на небе уже появилась луна в сопровождении местных прибалтийских звезд.

Не хочется заканчивать этот концерт, но всему приходит конец.

Слушатели сразу поняли, что гитарист сейчас уйдет с импровизированной сцены, и дали волю своим ладоням для аплодисментов. Мне кажется, я даже слышал возгласы "браво", но может быть мне это только почудилось...

* * *

* * *

Я вспомнил здесь о нескольких выступлениях, оставшихся в моей памяти.

Было много и других, менее значимых, но все равно замечательных. Замечательны они были не только тем, что я был их участником, но и удивительной реакцией слушателей и необычным местом действия.

Представится ли мне возможность выступить и в других не менее удивительных местах?

Не знаю. Другие времена, другие нравы, да и я уже далеко не мальчик.

Хотя, черт возьми, есть что показать требовательному и искушенному слушателю...

Музыкальные звукозаписи

Огромную роль в моем музыкальном образовании сыграли прослушивание разнообразных звукозаписей и постоянное знакомство через них с новыми произведениями самых разных жанров.

Рассказ о музыкальных записях стоит начать с виниловых пластинок или, как их стали называть позже, дисков.

Прежде пластинки "крутили" на патефонах. В раннем моем детстве у нас в семье тоже был патефон. Заводился он специальной ручкой, завода хватало ненадолго, но можно было подзаводить патефон непосредственно во время прослушивания.

К патефону прилагалось большое количество игл. Иглы вставлялись в специальную проигрывающую головку, которая и воспроизводила звукозапись на пластинке.

Звук был скрипучий, пластинки - старые и заезженные от многократного прослушивания. Но слушали мы их с огромным удовольствием.

Среди пластинок были записи романсов и русских народных песен, песен советских композиторов 30-40 гг. в исполнении Л. Утесова, И. Юрьевой, В. Козина, Лещенко (не Льва) и других популярных исполнителей тех лет. На каждой стороне пластинки было по одной, реже - по две песни.

Мне почему-то больше всего запомнилась запись отрывков из спектакля "Свадьба с приданым". Этот фильм-спектакль показывали и по телевизору. "Хвастать милая не стану, знаю сам, что говорю...", - так звучала песня Николая Курочкина в ярком исполнении Н. Доронина.

На смену патефонам пришли проигрыватели и радиолы. На смену старым пластинкам - новые долгоиграющие.

Мы слушали новую советскую эстраду: Эдиту Пьеху с ансамблем "Дружба", Муслима Магомаева, позже - многочисленные ВИА.

Фирма "Мелодия" стала выпускать диски с записями зарубежных исполнителей, слушая которые мы начали знакомиться со шлягерами мировой эстрады (серии "Вокруг света", "От мелодии к мелодии" и др.).

Для меня начался период разучивания этих вещей при полном непони-

мании языка и смысла песен. Но голосом я очень ловко повторял звуки иностранных языков - самым главным для меня была все-таки музыка.

Музыка была замечательная: английская, французская, итальянская, японская. Сейчас я уже плохо помню имена исполнителей, да это и не столь важно. Так я приобщался и к иностранной эстрадной музыке.

Это был только определенный музыкальный срез и быть может не самый лучший. Так называемую рок-музыку мы слушали по радио, настраиваясь на "Голос Америки", "БиБиСи", "Немецкую волну". Кроме этого, на студиях звукозаписи можно было купить "музыку на костях". На флюорографических гибких пленках записывались твисты, шейки и другие композиции. И уж совсем большой редкостью были пластинки, привозимые из-за рубежа.

Но все шло к тому, чтобы приобрести магнитофон и резко расширить спектр прослушиваемых записей.

* * *

Начиная рассказ о звукозаписях, я решил, что он будет предельно кратким. Надеюсь, он и будет таким.

Хотя на эту тему можно было бы рассказывать и рассказывать.

Итак, продолжим.

* * *

После окончания мною школы и поступления в институт родители купили мне магнитофон "Комета". Вернее, на выделенную мне довольно значительную сумму (так что порвался кошелек) мы с Валерой Лавыгиным (специалистом) поехали покупать этот магнитофон.

Эта покупка была знаковой. Для меня началась новая эпоха приобщения к мировой и отечественной музыкальной культуре. Речь здесь, конечно, идет об эстраде и авторской песне.

Записи с радиоприемника, телевизора и пластинок на катушечный магнитофон стали неотъемлемой частью моего образа жизни.

Особенно запомнились ночные бдения у телевизора с магнитофоном во время международных чемпионатов по фигурному катанию, где очень часто звучала оригинальная зарубежная музыка.

Но самое главное, появилась возможность переписывать магнитофонные записи самодеятельных авторов,

имена которых я тогда еще не очень хорошо знал: Булата Окуджавы, Юрия Визбора, Владимира Высоцкого и совсем тогда мне неизвестных.

* * *

Эти магнитофонные записи, собственная гитара и горячее желание играть, петь и сочинять - что еще нужно молодому человеку в 17 лет.

Оказалось, что нужно еще очень много: упорный труд, изучение творчества многочисленных бардов и мнестрелей и формирование собственного почерка, наряду с огромной музыкальной практикой.

* * *

Вернемся к звукозаписи. Перед большой поездкой 1967 г. (Чусовая, Кама, Волга, Астрахань) был куплен малогабаритный переносной магнитофон "Романтик", если не ошибаюсь, снова по инициативе В.Лавыгина и моей. Магнитофон был "артельный", то есть, покупали его на общественные деньги работавших тогда на заводе "Чайка".

Мы оснастили его самыми разно-

образными записями. Это была эстрадная и инструментальная музыка (мелодии из фильма "Шербурские зонтики"), записи Визбора и Высоцкого.

Особенно много было Высоцкого: песни из кинофильма "Вертикаль", шуточные, спортивные, "лагерные" и другие.

Слушая их, мы заодно и разучивали этот материал, подбирая его на гитарах. В поездке выяснилось, что Высоцкого еще мало кто знает. Так что мы невольно были и популяризаторами его творчества в то время.

Несколько слов о магнитофоне "Романтик". Он в поездке подвергся очень серьезным испытаниям. Жара и проливные дожди, комары и мошка, переворачивание лодок в походе — это пришлось испытать не только его хозяевам. Но он, также как и они, с честью выдержал все испытания и сейчас уже где-то в Москве спустя несколько лет.

* * *

На смену катушечным магнитофонам пришли кассетные, а затем и устройства с компакт-дисками. Магнитофон "Комета" живет в шкафу у моего брата. Катушки с записями не прослу-

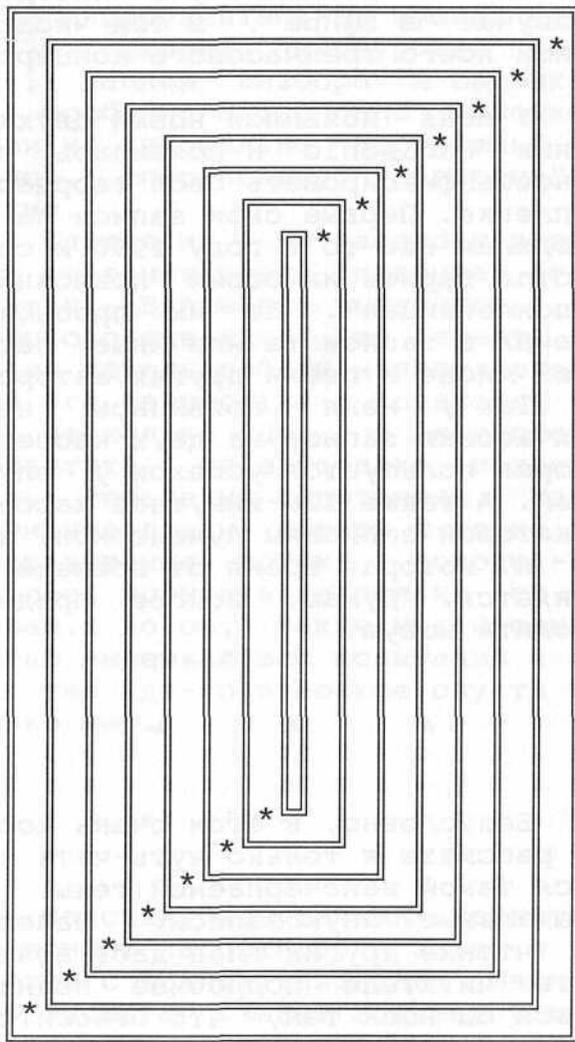
шиваются и возможно уже никогда не прозвучат "в эфире", в том числе и записи моего трехчасового концерта в ВЦ.

У меня появился новый двухкассетник "Panasonic" и появилась потребность фиксировать свое творчество на пленке. Первые свои записи на нем я сделал где-то в году 1990 и сразу же стал дарить их своим "поклонникам и поклонницам". По их просьбам я включал в записи те или иные песни, в том числе и песни других авторов.

Так у меня появилась новая трехчасовая запись на двух кассетах, которая пользуется успехом у слушателей. А также 120-минутная кассета, на которой записаны лучшие мои песни, и которая время от времени пополняется. Думаю, вскоре придется заводить новую.

* * *

Безусловно, в этом очень коротком рассказе я только чуть-чуть коснулся такой неисчерпаемой темы, как музыкальные звукозаписи. Надеюсь, что чтение других глав даст возможность читателю подробнее познакомиться со всем тем, что относится к этой области музыкальных знаний, пристрастий и увлечений.

Время песен

Сравнивая песни "песенного обвала" и последние зрелые песни, я пришел к следующему выводу.

Первых песен было много из-за ощущения, что я все могу, поэтому мелодии лились из меня нескончаемым потоком. Но самое главное, я не занимался шлифовкой как текстов, так и музыки. Отсюда большое количество песен в ущерб качеству.

Конечно, и в этой ситуации иногда кое-что удавалось. Когда же первые "лавины" прошли, а я еще не научился работать, именно работать над песнями, их количество резко сократилось.

Но рано или поздно я должен был вернуться к своим песням. И это произошло, когда я добавил к своему циклу песен на слова Кольцова еще одну - "Русская песня" ("Много есть у меня").

Песня, что символично, была посвящена моему брату и написана к его 30-летию (1983 г.). Я еще напишу какую роль сыграл мой брат, Николай, в моем возрождении как автора песен.

Песня отличалась от предыдущих какими-то новыми музыкальными оборотами. Это давало мне надежду на то, что я может быть еще и напишу новые замечательные песни. Но окончательно это выяснилось только через несколько лет.

А я продолжал писать песни-посвящения.

К 10-летию нашей с женой свадьбы я сочинил очень хорошую песню на слова замечательного (одного из самых моих любимых) советского поэта Юрия Левитанского "Что-то случилось" (1984).

Самые первые ее слушатели дали ей еще одно название - "про тарелки". Кто знает эту песню, поймет - почему. Долгие годы (да и сейчас) эта песня - одна из самых моих любимых.

Еще одну песню в этом же году я посвятил родившейся у А.Л.Дувакина дочке, которую назвали Машей.

Я перерыл множество различных поэтических сборников и наконец нашел у Роберта Бернса (в пер. С.Я.Маршака) одно стихотворение, в котором упоминалось похожее имя - Мери (аналог нашей Марии). Хотя песня, мягко говоря, не совсем детская, счастливому папаше она так понравилась, что он заставлял меня петь ее еще и еще раз...

отом... * * * * *

Небольшое отступление. Пока я вышел на свой нормальный режим - 1-2 песни в год (реже 3), прошло еще несколько лет.

Мне пришлось довольно тяжело. Я понял, что главное мое призвание - музыка, и мне предстоит искать соавторов, для чего придется перелопатить множество поэтических книг. Но и после того, как будет выбрано понравившееся стихотворение, не всегда удастся подобрать к словам мелодию. А если уж очень захочется это сделать, то предстоят долгие поиски нужного сочетания слов и звуков и шлифовка уже как-будто готовой песни.

* * * * *

А пока песни рождались редко, но зато с моей точки зрения неплохие.

Через два года, в 1986 г. была написана песня "Шутите чаще" на слова Юнны Мориц, а еще через три года, в 1989 г., - на слова Фазиля Искандера "Не умирайте старики".

На слова Ю.Мориц написано много песен, чего стоит цикл песен Сергея Никитина. В своей песне, мне кажется, я достиг того, что делает неразрывным слова и музыку. Кроме этого у песни необычный ритмический рисунок и своя изюминка в стиле исполнения.

Песня Ф.Искандера вызывает у слушателей самые разные чувства, каждый находит в ней что-то свое. Мудрый писатель-философ Ф.Искандер создал замечательное стихотворение, показав себя незаурядным поэтом. Мне кажется и я внес свою посильную лепту в создание замечательной песни, которая, я заметил, часто очень сильно воздействует на слушателей. Это хороший признак.

Еще через три года я продолжил свой туристический цикл и написал еще одну, правда шуточную, песню на свои слова "Пятеро в лодке", где "...Женька в середине..." и "...время настало для тети Гали...".

Так, хоть и изредка, я отдавал дань и поэтическому творчеству.

Но все-таки это было не основное. И мне казалось, что вскоре я вообще перестану сочинять песни, так как это мне давалось с трудом и "всплески озарения" бывали крайне редки.

И это несмотря на то, что в эти годы у меня была огромная практика выступлений со своими песнями в поездках и путешествиях. А может быть как раз дело именно в этом. Нынче многие авторы что-то пишут, готовят, а затем выдают все это на суд слушателей - это в большей степени касается работников эстрады, а не бардов. Но я - в большей степени композитор, а не поэт.

И вот настал еще один переломный момент в моем песенном творчестве.

В сборнике стихотворений Владимира Набокова, который оказывается как и Ф.Искандер писал стихи, я нашел одно любопытное стихотворение "Весна". Написанное белым стихом, оно мне очень напомнило стихотворения А.В.Кольцова. И мне ничего не оставалось, как сочинить новую песню.

Случилось это в 1993 г. Песню я хотел посвятить (и посвятил) моему сыну и подарить ее к его 18-летию. Работа продвигалась тяжело именно из-за того, что хотелось создать что-то хорошее, и мелодия переделывалась постоянно.

В момент создания песни я подумал, не начать ли мне новый цикл "Времена года" (как у П.И.Чайковского).

Ну а песня, как мне кажется, состоялась. Я долгое время берег ее и редко пел на публике. Поэтому мои постоянные слушатели узнавали о ней в разное время и часто для многих из них она оказывалась новинкой.

Даже мой брат Николай обратил на нее внимание гораздо позже, хотя он отслеживает мое песенное творчество самым внимательным образом.

К 40-летию же брата, в 1993 г. я сочинил еще одну песню по воспоминаниям об ИгнаLINE, ныне нам недоступной. За основу было взято стихотворное посвящение брату годичной давности.

* * *

Хочу остановиться еще на одной стороне моего "музыкального" творчества. Музыкальное взято в кавычки не случайно, так как эти музыкальные посвящения состояли из моих текстов и популярных мелодий, хорошо известных слушателям.

Я уже рассказывал о посвящении Е.И.Баскову на музыку "Песни о Ленинграде" (1990 г.). Еще одно посвящение меня просто заставил написать наш хороший знакомый Г.Н.Волошин, тогда бывший сотрудником нашего директора Ю.Г.Евтушенко.

Ю.Г.Евтушенко исполнилось 50, он был избран директором нашего ВЦ, и я написал свое такое первое посвящение (1988 г.) на музыку "Марсельезы - Интернационала".

Нужно сказать, что хотя я и не сочинял музыку к этим посвящениям, мелодия звучала у меня не совсем канонически.

Каким-то непостижимым образом в мелодию вплетались какие-то новые звуки, а песня звучала несколько необычно. Чувствовалось, что стихи писал композитор.

Еще одно посвящение в 1996 г. было написано к 60-летию Г.М.Михайлова, бессменного замдиректора нашего ВЦ, на музыку песни "Август" ("Скоро осень, за окнами август"), естественно чуть измененную. Это посвящение стало даже отдельной песней, которую с удовольствием поют мои коллеги, а сама песня - ностальгическим гимном БЭСМ-6.

Но я забежал несколько вперед. Наступал 1995 год, с которого можно вести отчет времени моих новых песен.

Конверт гибкой пластинки

Фильмы, концерты...

И вновь отвлечемся от рассказов о песнях вашего покорного слуги и затронем еще одну музыкальную тему.

Если песни из кинофильма становятся популярны, то фильму уготовлена долгая жизнь. Ну, хотя бы названию этого фильма или действующему лицу, исполняющему эти песни. Очень часто именно музыка к фильму делает его знаменитым.

Такая музыка и такие песни, являющиеся неотъемлемой частью кинематографического повествования, тесно вплетенные в его ткань, особенно сильно воздействуют на слушателя.

Я, безусловно, не исключение. У меня тоже есть свои любимые музыкальные фильмы и любимые мелодии и песни из немусикальных картин.

* * *

С самого раннего детства, причем неоднократно, я видел по телевизору фильм "Верные друзья".

Смотреть я его могу бесконечно. Замечательные артисты, для которых специально был написан сценарий к этому фильму А.Галичем: В.Меркурьев, Б.Чирков и А.Борисов - великолепно исполнили роли своих полных тезок.

К тому же они в фильме замечательно поют.

"Березы подмосковные", "Мы вам расскажем, как мы засели", "Шел ли дальней стороною" - трио наших героев поет эти песни просто здорово.

Особняком конечно стоит песня-романс "Что так сердце, что так сердце растревожено" в блестящем исполнении А.Борисова.

И хотя романс исполняется не в полном объеме - всего два куплета - я всегда с волнением жду, когда раздастся удивительный голос Александра Борисова, и мелодия заскользит по речным волнам вслед удаляющемуся теплоходу.

Вообще голос этого артиста, "тот же голос", я безумно люблю.

И здесь мне вспоминается еще один замечательный фильм "Двенадцатая ночь", в котором Бруно Фрейндлих, играющий шута, поет голосом своего коллеги и земляка, А.Борисова.

"Медоточивый голос", - так говорит еще один персонаж этого фильма (Г.Вицын).

В конце 60-х, начале 70-х годов в кинотеатрах Москвы демонстрировался фильм "Пусть говорят" с испанским певцом Рафаэлем в главной роли.

Мне трудно говорить о художественных достоинствах этого фильма. Критики в своих оценках склонялись к тому, что в фильме хороши только песни и великолепные водопады Южной Америки. Но даже если это и так, разве этого мало.

Вы не поверите, я смотрел этот фильм три раза, конечно из-за музыки, но не только из-за песен.

В фильме их более десятка, но есть и чудесная музыкальная тема в исполнении фортепьяно - сочинение старшего брата героя фильма.

Я пытался запомнить все музыкальные темы, что мне, конечно, полностью не удалось. Особенно запомнившиеся мелодии неоднократно я слышал и по радио во время ночных дежурств в ВЦ.

Под впечатлением этой музыки я находился очень долго, на меня она произвела неизгладимое впечатление.

Не так давно этот фильм был показан по телевидению, и я вновь окунулся в чудный мир рафаэлевской му-

зыки, вернувшись как-будто на три десятка лет назад, в свою юность.

* * *

Совсем другое время и совсем другая музыка.

Наш известный композитор и певец Юрий Антонов написал огромное количество замечательных песен, в том числе и музыку к кинофильмам.

Талантливый мелодист, как мне кажется, особенно ярко выразил себя в песнях к кинофильму "Берегите мужчин".

Морская тематика ("Море, море - мир бездонный"), любовная линия ("20 лет спустя"), исполнение песен самим автором ("медоточивый голос") делают фильм очень привлекательным.

Мне же он запомнился прежде всего очень хорошими песнями с прекрасными аранжировками.

Молодец, Антонов!

* * *

Совершенно другая тематика - музыкальная комедия на основе водевиля.

"Соломенная шляпка" - бенефис Андрея Миронова, море музыки, масса шуток, замечательный актерский ансамбль. Такое впечатление, что они играют экспромтом, без репетиций.

Незабываемый голос Андрея Миронова, которому вторит Л.Гурченко, остается в памяти надолго. Хотя на мой взгляд в фильме нет музыкальных номеров, выделяющихся из общего хора и содержащих особую "изюминку".

Быть может только финальная мелодия ("Спокойно спи Эжен Лабиш) на мой взгляд отвечает этим моим требованиям.

Но все равно фильм - замечательный.

* * *

Я хочу сделать одно замечание. Быть может читателю показалось, что я выступаю здесь в качестве художественного, а точнее музыкального критика.

Это не так. Я вспоминаю особенно запомнившуюся мне музыку из фильмов, стараясь представить картины самых разнообразных жанров.

Конечно, это - малая толика из того огромного количества фильмов,

которые я для себя выделяю, как музыкальные и мне понравившиеся.

* * *

Из последних фильмов, в которых я особо отмечаю для себя музыкальную тему, безусловно выделю два фильма по известным пьесам Лопе де Вега и Карло Гольдони "Собака на сене" и "Труфальдино из Бергамо" ("Слуга двух господ").

В том и другом, основную мужскую партию поет Михаил Боярский, замечательный артист и певец. И хотя другие герои фильмов (К. Райкин, М. Терехова) и не поют (за Райкина поет Боярский), такое впечатление, что и разговаривают они под музыку.

Возможно кого-то в этих фильмах не устроит игра отдельных актеров, сами актеры или драматургия (сценарии) фильмов. Но что касается музыки, то она здесь просто чудесная.

Не удержавшись, я купил для домашнего просмотра видеокассету с записью фильма "Собака на сене".

Думаю, что это - не последняя покупка.

* * *

И уже совсем неожиданно я вспомнил еще один фильм, фильм-оперу по одноименному произведению П.И. Чайковского "Иоланта".

Когда-то давно этот фильм показывали по телевидению довольно часто, чего не скажешь о годах последних.

До этого я знал П.И. Чайковского по его балетам с изумительной музыкой, отдельным операм, менее мне знакомым и инструментальным произведениям. Но эта одноактная опера, вернее фильм, произвел на меня впечатление, сравнимое разве что с впечатлением от музыки к балету "Щелкунчик".

Кроме широко известной арии "Кто может сравниться с Матильдой моей" меня поразила ария короля Рене ("Ужели жребий мне такой") и "песня" главных героев оперы ("Чтоб понять красу вселенной").

Огромное спасибо Петру Ильичу за этот его маленький шедевр.

* * *

Фильмы есть фильмы, даже если они показываются по телевидению. Но

музыку мы воспринимаем и поглощаем, слушая ее и на концертах, в том числе по трансляции.

* * *

В далекой юности у нас было не так много возможностей слушать на концертах артистов зарубежной эстрады. Исключение составляли концерты "Мелодии друзей" во Дворце Спорта в Лужниках. Хотя там выступали только исполнители из социалистических стран, мы с удовольствием посещали эти концерты.

Телевидение предоставляло нам возможность смотреть музыкальные фестивали и конкурсы из Польши (Сопот), Болгарии, Венгрии, реже Италии (Сан-Ремо), иногда конкурсы Евровидения.

Среди музыкальных ансамблей на этих фестивалях выделялись польские и венгерские. Особенно много было польских: "Скальды", "НоТоЦо", "Червоны гитары", "Трубадуры". Особенно выделю последних.

Это был самый любимый наш с братом Николаем ансамбль.

Необычная музыка, которую писал руководитель ансамбля Рышард Познаковский (клавишник), отличный вокал

Кшиштофа Кравчика (гитара) и Ковальского (бас-гитара), которые также пробовали себя в композиции - все это не оставило нас равнодушными.

Следует добавить к этому виртуозную игру бас-гитариста, которая меня, осваивавшего этот инструмент, приводила в восторг и повергала в глубокое уныние по причине невозможности даже приблизиться к этому уровню.

Мне посчастливилось побывать на концерте этого ансамбля в Москве.

Я надолго запомню то впечатление, которое произвели на меня живые мои кумиры. К сожалению у нас практически не осталось записей этой группы, вернее совсем не осталось, а было бы неплохо снова вернуться в прошлое к этим замечательным песням.

* * *

У нас в стране в это же время, о котором я рассказывал выше, стали появляться свои доморощенные ВИА.

Они играли неплохую музыку, которую мы, наш ансамбль, использовали в своих выступлениях. Но как-то все они были все-таки похожи друг на друга.

"Веселые ребята", "Голубые гитары", "Добры молодцы", "Лейся песня", молдавские группы, белорусские ансамбли, неплохие коллективы из Средней Азии, необычная группа Стаса Намина ("Цветы") - их можно перечислять еще очень долго.

Но одна из них все-таки стояла особняком. Расскажу, как я впервые услышал этот ансамбль.

Кажется это было в начале 70-х годов или в самом конце 60-х. У нас в стране постоянно стали проводить конкурсы эстрадных артистов, в том числе музыкальные.

Один из таких конкурсов, вернее его финал, транслировался по телевидению. К началу второго отделения мы переключили программу на этот канал.

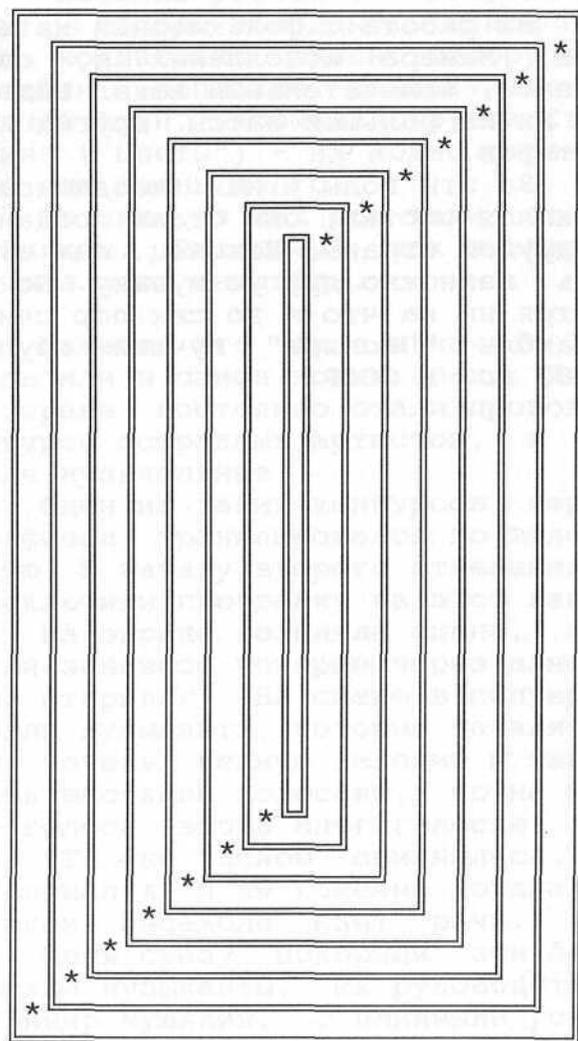
На экране возникла сцена, закрытый занавес, который через мгновение открылся. На сцене в полумраке стояли музыканты, которые начали играть очень нежную мелодию и запели очень высокими голосами, но на разные голоса (вновь многоголосье).

"Ты мне ясною приснилася...", - услышал я, и вы конечно догадались о каком ансамбле идет речь.

Меня сразу покорили эти белорусские музыканты, их руководитель, Владимир Мулявин, с длинными усами, сам русский, но ставший настоящим белорусом.

Их работа с фольклорным материалом, манера исполнения и, самое главное, замечательный вокал выделили их из большой массы других коллективов.

За эти годы у них неоднократно сменился состав, они стали подданными другой страны. Наконец, они стали петь немножко другую музыку. Но несмотря ни на что я до сих пор считаю ансамбль "Песняры" лучшей группой 70-80 гг. в СССР.

Музыкальные пристрастия

Наверняка ты согласишься со мной, мой дорогой читатель, что в каждой главе этого повествования в той или иной степени говорится о музыке, которой я отдаю предпочтение. Здесь же я хочу лишь дополнить то, о чем упоминалось ранее.

Я уже неоднократно повторял, что выделяю те музыкальные произведения, в которых, по моему мнению и на мой вкус, есть некая изюминка, маленький фрагмент (прекрасно, если большой) с необычным музыкальным рисунком или оригинальным ритмом.

Поэтому я уделяю меньше внимания текстам, этой музыке сопутствующим.

Таким образом, для меня не важно, на каком языке исполняется та или иная композиция. Если же музыка сопровождается и первоклассным литературным материалом, я ничего не буду иметь против.

Поскольку я не имею музыкального образования, выбор мой интуитивен и мне сложно разбираться в непопулярной современной музыке, в част-

ности классической. Но старую добрую классику я, естественно, люблю.

Мое отношение к классической музыке формировалось с детства. Эту музыку очень любил мой отец. Часто он сам напевал фрагменты арий из опер и музыкальные фрагменты из балетов.

С тех пор я очень полюбил П.И.Чайковского, его великую музыку к балетам "Лебединое озеро" и "Щелкунчик", особенно последний. Арии из опер "Евгений Онегин", "Пиковая дама", "Иоланта" и многие другие я сам часто напеваю, как это когда-то делал мой отец, Павел Иванович.

Очень люблю музыку из оперы М.И.Глинки "Руслан и Людмила", особенно увертюру к этому замечательному произведению.

Не могу обойти вниманием и зарубежных композиторов. Музыка Дж.Верди к операм "Травиата" и "Риголетто" присутствуют рядом со мной, начиная с самого детства.

Мне нравится Ф.Шопен, его фортепьянные произведения, Штраус, король вальсов, хотя кажется их было двое, отец и сын. Уважаю музыку Баха, но для моего восприятия она видимо сложна. Из нее мне трудно выделить ту самую изюминку.

Современную классическую музыку я плохо понимаю. Наверное сказывается недостаток образования, что не позволяет правильно оценить эту, с моей точки зрения, какофоническую музыку.

Теперь более легкий жанр - оперетта. И здесь предпочтение отдаю классике.

Легар, Оффенбах, Кальман - вот те образцы, которые я выделяю для себя в музыкальном плане.

Хотя сам этот "легкий" жанр я не очень люблю, но в опереттах этих композиторов есть много замечательной музыки, ради которой я готов примириться и с "легкостью" данного жанра. Среди отечественных авторов не могу не вспомнить И.О.Дунаевского, и как автора оперетт, и как автора многих замечательных песен и музыки к кинофильмам.

Может я повторяюсь, но с самого детства я воспитывался на классической, оперной и балетной музыке, на русских и цыганских романсах, русских народных песнях.

Поскольку Советский Союз был многонациональным государством, я считал своей и музыку народов, его населяющих.

Очень любил и люблю грузинское многоголосье. Это относится и к тем народам, которые жили вместе с ними и обладали не менее самобытной народной музыкой.

Хочу здесь вспомнить Украину с ее голосистым музыкальным народом, Белоруссию с ее "песнярами" и "сябрами". А зажигательные танцы и песни Молдавии - сами ноги так и просятся в пляс.

Конечно, более сложно воспринимается музыка Средней Азии и других тюркских народов. Сказывается историческая специфика развития их музыкальной культуры.

Теперь Советского Союза нет, но музыка все-таки осталась и продолжает объединять бывших сограждан на более высоком, эмоциональном уровне.

Несколько слов о джазовой музыке.

Нельзя сказать, что я ее не люблю. Я очень уважаю джазовых музыкантов, преклоняюсь перед их блестящим владением инструментом, завидую их умению полностью подчинить себе его, слиться с ним в одно единое целое.

Некоторые джазовые композиции доставляют мне удовольствие. Но вот, любовь - её нет.

О причинах говорить трудно. Возможно, дело опять в пресловутом музыкальном образовании. А, может быть, вновь меня смущает отсутствие той самой изюминки, поскольку стиль джаза представляется мне несколько одноплановым, т.е. главное здесь - импровизация. Я сознаю, что не прав в отношении джаза, но ничего поделать с собой не могу.

Джаз, как музыкальный жанр, почти всегда мажорный и радостный. Мне же все-таки ближе грустная, задушевная музыка. И всеми этими качествами обладают русские песни и романсы.

Огромное их количество и разнообразие, их народность и пронзительность, берущая за душу, постоянное присутствие их в моей жизни с раннего детства - все это оказало на меня самое большое влияние.

Думаю, отсюда и моя любовь к лирической составляющей любой музыки.

Почти все мои песни грустно-лирические, а корни этих мелодий следует искать именно в том замечательном жанре. Увы, старое поколение уходит, а новое почти не поет этих песен и романсов.

Хотя, иногда, когда собираются мои друзья и коллеги, мы с помощью песенников и моей гитары пытаемся поддерживать в народе любовь к этому замечательному музыкальному жанру.

Настал черед эстрадной музыки. Музыкальные пристрастия формировались с учетом сказанного выше, как на отечественной, так и на зарубежной эстраде.

Под эстрадой я понимаю и рок-музыку, и поп-музыку, хотя точную границу провести между ними трудно.

Вот написал я это и подумал, что жанров и поджанров здесь гораздо больше и точно об этом мог бы написать только музыковед, специализирующийся на этом виде музыкального искусства.

Сам же этот материал неисчерпаем. Поэтому я не буду пытаться следить за рубриками и разделами, а остановлюсь только на том, что мне близко, а что - не очень.

В предыдущих главах я много говорил о советской эстрадной музыке. Здесь же хочу вспомнить об одном забытом певце и ныне существующей музыкальной группе.

Сегодня, наверное, мало кто помнит Жана Татляна.

Он был очень популярен в те же годы, когда блистал на эстраде Муслим Магомаев. Часто он пел те же песни, что и Магомаев, но были у него и свои популярные песни.

Его песню "Фонари" ("Где-то вдали догорает закат и фонари ярче горят..."), которую мы с удовольствием пели с Валеркой Лавыгиным в Ленинграде в 1965 г., может быть кто-то еще и помнит.

Для меня же Жан Татлян с его лирическими песнями оказался тем исполнителем, которому я сразу начал подражать.

Долгие годы в моей манере исполнения песен явно были слышны его интонации. Прошло с тех пор много лет, и я уже не знаю, прослушивается ли что-нибудь "татляновское" в моем творчестве или уже выработался свой, особый стиль.

И, уж совсем неожиданно. Из многих российских рок-ансамблей я выделил для себя не самый известный и популярный - группу "Пикник".

Хотя я симпатизирую и "ДДТ", и "Чайфу", и "Любэ", и многим другим группам, у Пикника, вернее у его руководителя Э.Шклярского, какая-то своя, отличная от всех музыка. Именно музыка, со своей, присущей только ему, изюминкой.

Сразу скажу, не всё, что они играют мне нравится. Иногда они слишком увлекаются своими экспериментами в области электронной музыки. К тому же группа мало уделяет внимания текстам композиций, что для

меня, правда, не главное. И, наконец, первая песня в исполнении этого ансамбля, услышанная мною - песня "Иероглиф" ("Мое имя - стёршийся иероглиф...").

Самое время перейти к зарубежным ансамблям. Конечно особняком здесь стоят "Битлз". Это - любовь навсегда, с самой первой, услышанной мною, их песни.

У них были постоянные соперники - "Роллинг Стоунз". Но я всегда отдавал предпочтение "Битлз", поэтому, наверное, не любил их оппонентов.

Быть может, на этом можно было и остановиться, но...

На память приходят еще несколько групп: "Криденс", "Отшельники Германа" с их очень высокими голосами, "Смоуки" и незабываемый Крис Норман, польские ансамбли, конечно "Трубадуры", оригинальные венгерские коллективы "Метро" и "Омега" и прочее, и прочее.

Несколько слов о тяжелом роке. Мне он не так близок, видимо по причине сложности этой музыки или отсутствия оной у некоторых групп, с моей точки зрения.

Выделю здесь "Deer Purple" с Ричи Блэкмором, позднее перешедшим в "Rainbow".

Опять-таки, провести четкую грань между тяжелым и не тяжелым роком трудно.

Конечно, есть крайние их проявления, например, металлический рок, который мне, мягко говоря, не близок. Тем не менее выделю здесь наши классические, отечественные - "Ария", "Круиз", "Черный кофе"; и зарубежные - Лед Зеппелин и упомянутый выше "Deer Purple".

Еще раз скажу, что мне как-то ближе более мелодичная музыка, и я отдаю предпочтение "Би Джиз" и "Queen", а не "Скорпионс" и "Металлике".

Поскольку эта область, как вы сами понимаете, неисчерпаемая, и я рискую заблудиться среди всех этих "эстрад", разрешите на этом закончить и перейти к последнему, самому важному разделу - авторской песне.

Иногда ее называют самодеятельной или бардовской, предполагая, что автор, бард, сам пишет стихи к своим песням.

Не исключается и создание таких песен самодеятельными композиторами на слова других, иногда известных поэтов.

С самого начала моей гитарной карьеры я знал о существовании таких песен.

Знание это говорило мне о том, что поют их у костра, в походах, в экспедициях, поют школьники и сту-

денты, геологи и изыскатели. Эти песни, фактически народные, не имеют своего автора и являются своеобразным фольклором, как народные песни и романсы.

Но также, как и последние, эти "туристические" песни имеют, безусловно, своих авторов.

Я, конечно, слышал о таких бардах, как Окуджава, Визбор, Высоцкий. Позже, слушая их магнитофонные записи, я изучал творчество этих "великих", разучивал их песни, пел и учился на их примерах.

Первое время я пел очень много песен тогда мной открытого Владимира Высоцкого. Позже я понял, что есть песни, которые звучат только в авторском исполнении.

Но иногда, когда я сам пою песни "классиков" жанра, я привношу и что-то свое, свою манеру исполнения, стараясь не исказить подлинники.

Из трех выше упомянутых бардов ближе всего по творчеству мне был и остается Юрий Визбор.

Его песни оказались наиболее лиричными, да и поэзия Визбора была созвучна моим настроениям. До сих пор в моем репертуаре очень много его песен, и я с радостью пою их для слушателей.

Булата Окуджаву я тоже немного пою, а вот В.Высоцкий практически исчез из моего репертуара.

Надо сказать, что репертуар, с которым я выхожу к слушателю, складывался довольно своеобразно. Я знакомился с песнями через записи, "живые" концерты, а также слушая других исполнителей.

О записях я уже говорил. С концертами к нам приезжали Юрий Визбор, Александр Суханов, Евгений Бачурин. И поскольку их творчество мне самому было интересно, очень много песен именно этих авторов я с удовольствием исполняю.

Мимо меня, немного все-таки "задев", прошли А.Городницкий, В.Берковский, Ю.Кукин, Е.Клячкин и многие другие, оставив в моем репертуаре по 3-4 песни. Хочу тут вспомнить Вадима Егорова, несколько песен которого я пою и творчество которого мне очень нравится.

Сергей Никитин оставил в моей душе определенный след, также выступив на сцене нашего института. У него, мне кажется, я научился тому, что и исполнение авторских песен может быть представлением, шоу.

Подробнее хочу остановиться на песнях Евгения Бачурина.

Я думаю, этот художник, поэт и композитор незаслуженно обойден вниманием слушателей. Прекрасная поэзия, своеобразный мелодический рисунок, лирика и минор его песен - вот что мне в них дорого.

Многим не нравится манера его исполнения - что уж тут поделать. Ну, а я, исполняя его песни, стараюсь устранить эти недостатки, возможно привнося новые.

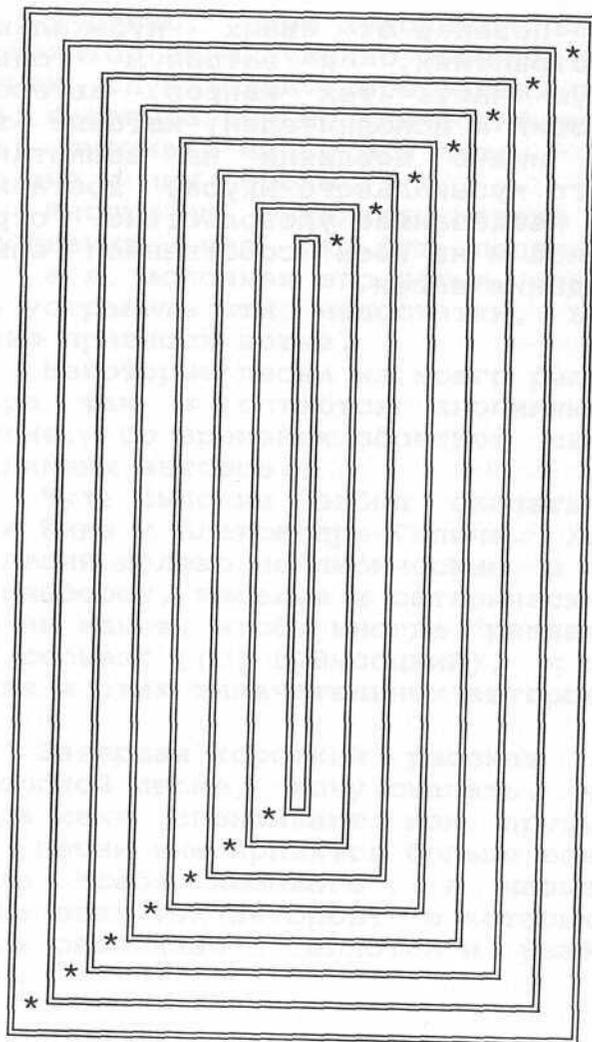
Некоторые песни из моего репертуара так и остаются анонимными, другие, со временем обретают своих подлинных авторов.

Чуть было не забыл сказать о Юлие Киме и Александре Галиче. Хотя их песни далеко не лирические, а даже наоборот, веселые и сатирические, тем не менее, чтобы иногда "развеять ваш серьез" ((с) В.Высоцкий), я пою песни и этих замечательных авторов.

Завершая короткий рассказ об авторской песне, хочу сказать, что когда меня спрашивают мои друзья, чьи песни мне нравятся больше всего после "себя любимого", я называю имена всех тех авторов, о которых я здесь рассказал с теплотой и уважением.

* * *

Поведав о своих музыкальных пристрастиях, я затронул только малую часть тех жанров, авторов, мелодий и исполнителей, которые так или иначе повлияли на воспитание моего музыкального вкуса, доставили мне несказанное удовольствие, отразились и на моем собственном опыте создания песен.

Новые песни

Прежде чем начать рассказ о новых песнях 1995-2000 гг., вернусь на год назад. В 1994 г. не были написаны новые песни, но совершенно неожиданно появилась на свет "старая".

Много лет подряд я выписывал газету "Книжное обозрение".

В этой газете публиковались списки книг, вышедших в книжных издательствах за неделю. Кроме этого там печатались интересные материалы и статьи о литературе, литературном процессе, истории и политике.

Апрельский номер (N15) от 12 апреля 1994 г. содержал все выше перечисленное. В этом же номере была подборка стихов одного советского поэта с комментариями.

Ознакомившись со списком вышедших за неделю книг, я оставил остальное "на закуску". Эту газету я взял с собой, отправляясь утром на работу.

В вагоне метро я открыл газету и начал ее просматривать.

Дойдя до стихов поэта Владимира Соколова, я принялся просматривать их. Наконец я дошел до последнего, никак не озаглавленного. И меня как будто током ударило.

Первые же строки показались мне очень знакомыми, но какими-то странными - было в них что-то неправильное. Мне показалось, что строки эти - мои, но почему-то измененные.

Что-то в этой ситуации было мистическое, и я даже вышел из вагона, не доехав до своей остановки. Надо было разобраться с этими странностями.

Последующие строфы были мне не знакомы. Но когда я дошел до двух последних строк, где говорилось о "девушке русской, которая возле меня", внутри меня непостижимым образом зазвучала музыка.

И вот тут, но все равно не сразу, я все вспомнил.

Это ж надо так внушить себе, заставить себя забыть одну из самых первых своих песен. (О причинах, которые заставили меня сделать это, я упоминал в главе "Даешь песни").

Вот так была восстановлена в правах одна из моих песен 1966 г., которая заняла свое законное место в списке песен вашего покорного слуги.

* * *

Обычно работая в "соавторстве" с другими поэтами, я как правило выбирал одно стихотворение из сборника каждого поэта и работал с ним.

Чаще всего одной песней и ограничивалось сотрудничество. Исключением являлся альянс с А.В.Кольцовым.

Но в дальнейшем я изменил эту практику и более подробно ознакомился с творческим наследием поэта, моего будущего соавтора.

Просматривая очередной сборник, я соответствующим образом помечал выбранные мною строфы и через некоторое время пробовал потихоньку на них свое "музыкальное слово".

Не всегда сразу что-то получалось, к некоторым стихотворениям я возвращался и через год и позже. Очень много текстов отсеивалось, но были и такие, на которые просто очень хотелось написать песню.

Таким новым поэтом стал для меня Николай Рубцов. Его сборник "Подорожник" был мною изучен очень подробно и с этим материалом предстояла большая работа.

К 20-летию своего сына Жени (1995) я наметил написать песню.

Очень хотелось написать хорошую песню, и я предполагал упорную работу над одним из стихотворений Н.Руб-

цова. Но удивительным образом получилось все не так, как я предполагал.

"Попробовав на звук" первое же из отобранных стихотворений, я понял - это и есть то, что нужно. Стихотворение сразу зазвучало в ритме вальса и песня "Бессонница" была закончена в этот же вечер.

Но я, как видно, поймал кураж. В этот вечер я бы мог написать еще несколько самых разнообразных песен. Меня так и тянуло к гитаре и стихам.

Я "ограничился" еще только одной песней "Плыть, плыть" на слова Н.Рубцова - песней с совершенно другим настроением и в другом ритме.

Мне кажется, в тот момент я мог сочинить все что угодно - бывают же такие вечера.

Так началось мое постоянное сотрудничество с Н.Рубцовым.

В 1996 г. была написана только одна песня. Зато какая!

Снова новый поэт, Анатолий Жигулин, снова посвящение, на этот раз моему замечательному другу, Мише Семину и, наконец, это продолжение моего цикла о временах года. Стихотворение называлось "Сани". Я же добавил к нему свой подзаголовок - "Зима".

Так у меня стало две песни в цикле: "Весна" и "Зима".

* * *

К моему глубочайшему сожалению, через несколько лет (в 1999 г.) долго болевший Миша Семин ушел из жизни, но у меня осталась его песня - его и моя.

* * *

Создание новых песен продолжалось.

Я уже писал в одной из своих предыдущих книг об истории создания песни "Давайте выпьем за любовь". Еще раз остановлюсь на этом более подробно.

В нашем отделе (ВЦ РАН) очень много талантливых людей. Таланты их самые разные: музыкальные, художественные, артистические, песенные и поэтические. Чаще всего они проявляются на неформальных встречах, торжествах в честь кого-либо из наших друзей и коллег.

На этих "музыкально-поэтических вечерах" я впервые услышал стихи Н.С.Сабуровой в исполнении автора. Поэзия была очень своеобразная и всем нравилась.

В какой-то момент у меня возникло желание написать на какое-либо из этих стихотворений песню.

Мне пришлось долго уговаривать Наталью Сергеевну и наконец она передала мне отобранные ею стихи.

Познакомившись с ними, я понял, что моя задача чертовски трудна.

Я уже писал о необычности этих стихов. Так вот, на музыку переложить их увы не представлялось возможным. Но уж очень хотелось завершить этот проект. И я позволил себе немного подкорректировать одно из понравившихся мне стихотворений.

Исправленный и дополненный материал я показал автору и получил добро на музыкальное творчество. Признаюсь, у меня уже был первоначальный вариант музыкальной темы.

Могу себе представить, каково было автору поэтических строк видеть свои тексты "исправленными и дополненными". Но, по-видимому, в данном случае было обоюдное желание создать песню. И песня, мне кажется, получилась.

Нужно отметить, что при минимальных изменениях текста непостижимым образом изменился характер стихотворения. Это дает мне маленькое право на соавторство.

В этом же, 1997 г., была написана третья песня для цикла "Времена

года". На этот раз в поле моего зрения попал русский писатель и поэт Иван Бунин.

Песня "Осень" была посвящена моему "старшему товарищу", с которым "мы оба - быки" - М.А.Копытову.

Родившись в октябре 1937 г., он безусловно заслужил песню с таким названием.

Песня - совершенно необычная. В ней больше музыки, чем слов. Мелодия очень нежная и грустная, такие я особенно люблю и сочинять, и петь. Но мне кажется, что песня не достаточно пока оценена моими слушателями. Хотя у нее все еще впереди.

В следующем, 1998 г. - снова одна песня, "Венок", на слова Владимира Соколова.

Помните песню "Хотел бы я годы и годы" и ее удивительное возрождение через "Книжное обозрение".

Там же в газете я нашел еще одно стихотворение и через 32 года после первой появилась на свет вторая и тоже с упоминанием тех же героев. Эту песню я подарил своему брату Николаю на его 45-летие.

* * *

Как видите, песни рождались в последние годы очень редко. Но зато каждая из них, с моей личной точки зрения, представляет собой *произведение* (есть и другие положительные отзывы).

Этот переход количества в качество, как мне видится, состоялся. Я не знаю какие песни меня ждут впереди, но пока что мне самому радостно от того, что удается находить новые мелодии.

* * *

1999 г. был годом моего 50-летия. И в этот же год мы с женой праздновали 25 лет нашей совместной жизни.

К этому 25-летию я написал несколько стихотворных посланий моей супруге и собрал все старые песни, посвященные ей, в маленьком буклете.

Песню же, посвященную ей, я решил написать ко дню ее рождения в сентябре.

И я сделал это, хотя услышала она ее только после моего возвращения из командировки в Абрау-Дюрсо.

Автор текста песни у меня обозначен как Мария Семенова, писательница, автор знаменитых книг о Волкодаве.

Каждая глава в этих книгах предваряется стихотворным эпиграфом. Эти эпиграфы достаточно развернуты и по-моему представляют собой очень хорошие стихотворные произведения.

Я и взял одно из мною отобранных для создания песни.

Когда я уезжал в командировку, я порекомендовал жене почитать книгу М.Семеновой, так как и сама книга произвела на меня большое впечатление.

Когда я вернулся в Москву, моя супруга обратила мое внимание на то самое стихотворение, которое уже было мною положено на музыку, и сказала, что я обязательно должен написать песню на эти стихи. На что я ей ответил исполнением уже готовой песни.

Вот какие бывают удивительные совпадения.

Я не мог пройти и мимо своего юбилея и написал к нему еще одну песню на слова Н.Рубцова "Поезд".

Так я подарил песню и самому себе. Ура!

Только начался 2000 г., а у меня уже было готово еще две песни.

На мой юбилей мне сделали множество самых разных подарков, одним из которых был поэтический. Мой давний соавтор, Н.С.Сабурова ("Давайте

выпьем за любовь") написала мне посвящение в стихах, которое я, не долго думая, переложил на музыку и подарил уже музыкальный вариант автору этих поэтических строк (кое-что по своему обыкновению изменив и дополнив).

У меня уже были две замечательных песни, посвященные моему сыну, Евгению ("Весна, 1993 г., "Бессонница", 1995 г.).

В 2000 г. ему исполнилось 25 лет и я снова сделал ему музыкальный подарок.

Я вновь обратился к творчеству Марии Семенович и еще одно ее стихотворение зазвучало у меня как песня. Эту песню я назвал "Дорога".

* * *

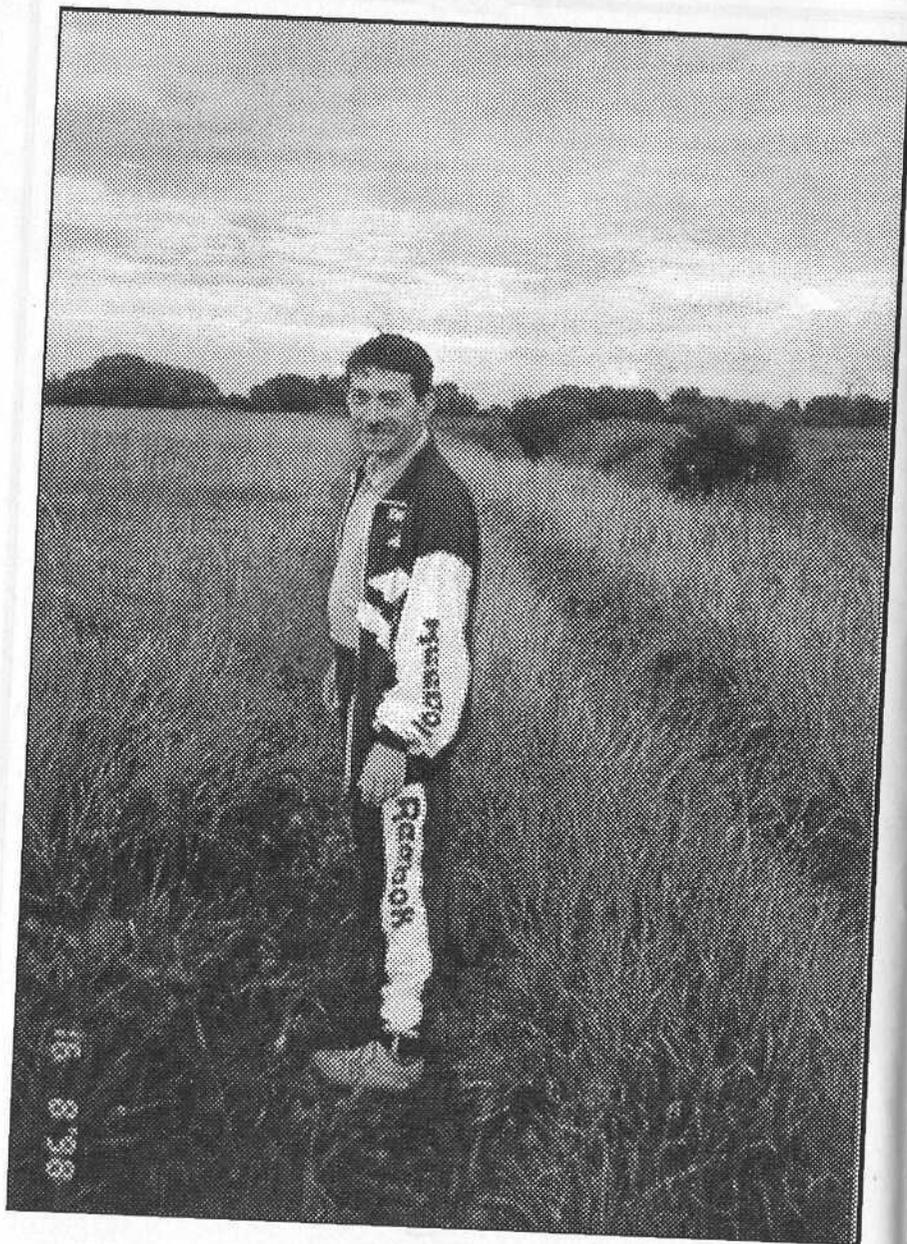
Третью песню на слова М. Семенович я посвятил памяти Миши Семина ("Я когда-нибудь стану героем как ты"), написав ее к годовщине его кончины (29 мая 1999 г.).

* * *

Этот период (сентябрь 1999 – май 2000) пока самый плодотворный в моем творчестве за последние годы.

Подумать только! Целых пять песен за чуть более полугодя. Не последнюю роль здесь сыграло знакомство с творчеством замечательной писательницы Марии Семенович, которая к тому же пишет замечательные стихи.

Я не исключаю продолжения сотрудничества, которое принесло мне огромное удовлетворение.

"До встречи..."

Давайте прощаться, друзья?

Вот и подошло к концу это "лирико-эпическое" повествование о песнях, музыке, о времени и о себе.

О песнях, увы, написано не так много, как хотелось бы. И этому есть свое объяснение.

Создание совсем небольшого количества песен растянулось на долгие годы. Многие старые песни, увы, забыты или забываются. Писать о них трудно, как и хвалить. А ругать не хочется в силу "давности лет" и в силу того, что создавались они от души, в счастливый период юности и, я бы даже сказал, детства.

О старых песнях, которые время от времени исполняются, я постарался рассказать подробнее.

Вспоминая об этих песнях, я понял, что они должны были пройти проверку временем, закрепиться в моей памяти и памяти слушателей.

Десятилетие - слишком большой срок для песни и только хорошая песня может пережить эти долгие годы.

Очень трудно писать о последних и сравнительно новых песнях. Во-первых, чаще всего эти песни нравятся автору больше, но проверку временем они еще не прошли. И кто знает, какая судьба их ждет, хотя всегда очень хочется, чтобы песня оставалась любимой и по прошествии нескольких лет.

Но приходят (смею на это надеяться) новые песни, они становятся любимыми, их постоянно напеваешь, "мурлыкаешь".

Кстати, мне бы хотелось довести число своих песен до ста (я не слишком плодовит). Сейчас их число перевалило за шестьдесят. Но и оно условно. Сюда не входят музыкально-поэтические посвящения и прочие безделицы. Я сознаю, что выполнить это мое желание при моей "скорострельности" ("скоропесенности") будет трудно. Но, как говорится, "какие наши годы".

У меня был период, когда я думал, что с песнями все закончено. Я уже писал о том времени и о том, как я вышел из этого "застоя". Мне кажется, что неоценимую помощь в этом мне оказал мой брат, Николай.

Безусловно, новый период создания песен начался с песни "Много есть у меня" на слова Кольцова, посвященной 30-летию брата.

После этого он стал тщательнейшим образом отслеживать мое творчество, всячески подталкивать меня к созданию новых песен, прослушивать их заготовки и критиковать в них, песнях, ему непонравившиеся фрагменты. Но это все, как говорится, процесс. Самое главное, что меня заставило поверить в себя и последние пятнадцать лет не бросать это "гитарное дело" - его отношение к моим песням.

Он всегда говорил и говорит, чтобы я не торопился, не пытался гнаться за количеством, что песни должны рождаться естественно, по крайней мере, в руках не профессионала, который не зарабатывает этим себе на жизнь.

У брата среди моих песен есть любимые, но он старается пореже об этом упоминать. Давая последним моим песням (на слова М.Семенович) меткие характеристики, он придумал новый термин - "русский вестерн".

Иногда, очень редко, брат, оговариваясь, наверное, называл какую-нибудь из моих песен шедевром. Это как раз случалось в самые мои трудные творческие периоды. И не знаю, радоваться или огорчаться, что Николай уже давно не говорил таких слов в адрес моих песен. Но мне кажется, это хороший признак.

Хотя слышать это, признаюсь, было приятно и надеюсь, что... Хотя, не знаю, на что тут лучше надеяться.

* * *

И снова возвращаюсь к поэзии. Однажды, решив не писать слова к своим музыкальным произведениям, я почти не отступаю от этой стратегической линии.

Тем не менее, стихи, как посвящения, написанные к определенной дате, я иногда все-таки сочиняю. Это дает мне надежду на то, что и на собственные слова у меня еще будут написаны песни.

Тем более, что написать их мне нужно не один десяток (вспомните о моих планах).

Но главное, это все-таки музыка, и дай бог мне хороших соавторов-поэтов со своими прекрасными строфами. Я уверен, за этим дело не станет.

* * *

Далеко не все, о чем можно было написать, нашло отражение в этом музыкально-прозаическом повествовании.

Хотелось, чтобы оно было компактным, отдельные его части были сопоставимы по объему и насыщенности.

Одно исключение было, однако, сделано для "армейских мотивов", коих набралось на целых две главы. Но и тут многое осталось за кадром: игра нашего духового оркестра на праздничных обедах в столовой, потеря мной мундштука во время выступления, мое падение вместе с альтушкой при марш-броске на построение, наши репетиции в "музыкалке".

Совсем забыл об исполнении запомнившихся мне в армии маршей для сына. Когда я утром провожал его в детский сад, мы с ним маршировали под эту музыку.

Эта тема неисчерпаемая, также как и воспоминания о звукозаписях, музыке из кинофильмов и музыкальных пристрастиях.

Практически совсем отсутствуют "мотивы лесосплава", а ведь и там звучали свои оригинальные песни: в поезде, на борту катера и в кузове грузовой машины.

А репетиции и выступления нашего ансамбля на сцене ВЦАН СССР — разве не тема для отдельной главы?

Тут же можно было бы ближе познакомить вас с моей замечательной бас-гитарой, рассказать о моих мини-выступлениях в праздничные дни на той же сцене вслед за поздравлениями нашего директора А.А. Дородницына.

Может быть, стоит о жизни в ВЦ рассказать в отдельной книге? Надеюсь, когда-нибудь она состоится.

* * *

И какие же танцы могут быть без музыки?

Раннее детство, школьные годы, юность — у каждого времени были свои танцы под свою музыку. Быстрые танцы и медленные, танцы, которые сродни спортивным занятиям, столько для них нужно силы, энергии, гибкости и ловкости.

Музыку и танцы объединяет ритм. Для музыканта и певца чувство ритма не менее важно, чем слух. И я всегда гордился своим чувством ритма, поэтому, наверное, очень любил танцевать. Не случайно, когда представилась возможность, я стал заниматься

в танцевальном кружке, организованном в нашем ВЦ. Жаль, эта тема не нашла отражения в книге.

* * *

Об эстрадной, в том числе рок-музыке, можно писать бесконечно.

Тем более, что различных увлечений и пристрастий в данном разделе музыки у меня предостаточно. А главное, многие мои песни, являясь по существу авторскими, несут в себе что-то и от эстрадных номеров.

Я думаю, при соответствующей аранжировке и оркестровке они бы не потеряли своей бардовской прелести, тем более, что в этих песнях очень много музыки, в том числе музыкальных вставок.

* * *

Говоря о корифеях авторской песни, я также ограничил себя рассказом о тех авторах и их песнях, что оказали на меня наибольшее влияние в

разные периоды моего гитарного самообразования.

Главное, что я извлек из их творчества - это самобытность, непохожесть на других своих коллег. Этого я желаю и себе, не знаю, правда, насколько это мне удастся.

* * *

Думаю, что наше прощание несколько затянулось.

О всем недописанном и нерассказанном можно будет вспомнить в очередном повествовании. Что я, конечно, и сделаю в будущем. Но вряд ли в ближайшие годы я вернусь к "музыкальным историям" в таком же объеме.

Основная причина, по которой это будет сделать сложно, состоит в том, что слишком большой период во времени и пространстве нашел отражение в этом опусе.

Для того, чтобы аналогичный музыкальный материал был накоплен, необходимо, по крайней мере, десяток лет. А кроме всего, это время должно быть наполнено и счастливым творчеством, и новой музыкой, и новыми музыкальными впечатлениями.

Себе и своим слушателям и читателям желаю дожидаться новых песен, новых рассказов о музыке во всех ее проявлениях.

Уверен, все это не за горами. И несмотря ни на что, со мною останется моя

м у з ы к а
н а в с е г д а.

Все песни (1965-2000)**1965 год**

1. Эллада (С.Наровчатов)

1966 год

2. "Хотел бы годы и годы"
(В.Соколов,Ю.Рогов) [2]
3. Остров Романтики (Э.Асадов)[1]
4. "Если бы мог я рисовать"
(Ю.Рогов) [1]

1967 год

5. Планета юных (Ю.Рогов) [1]
6. Страна Грина (Ю.Рогов) [1]
7. "Это мы поем для Вас"
(Ю.Рогов) [1]
8. Мечтателям (Ю.Рогов) [1]
9. Дороги (Ю.Рогов) [1]
10. Походы I
("Поезд нас куда-то мчит")
(Ю.Рогов) [1]

1968 год

11. Маленькое фото (Ю.Рогов) [1]
12. Снегурочка (Ю.Рогов) [1]
13. Увези меня (Ю.Рогов) [1]
14. Кольцо (А.В.Кольцов) [1]
15. Молодец удалый
("В поле ветер веет")
(А.В.Кольцов) [1]
16. Быть любимой (Ю.Рогов) [1]
17. "Ты не пой соловей"
(А.В.Кольцов) [1]

1969 год

18. Время (Ю.Рогов) [1]
19. Милая моя, нежность
(Ю.Рогов) [1]
20. Молодая жница
(А.В.Кольцов) [1]

1970 год

21. Поздняя зима (Ю.Рогов) [1]
22. Тайна словаря (Ю.Рогов) [1]
23. Без нас и с нами (Е.Серова)[1]
24. Лес да поле (Св.Молева) [1]
25. Королева (С.Есенин) [1]
26. Колдунья (С.Есенин) [1]
27. Казачья колыбельная
(М.Ю.Лермонтов) [1]

1971 год

28. Струны на гитаре (Ю.Рогов) [1]
 29. Походы II
 ("Ветер шелестит")
 (Ю.Рогов) [1]

1972 год

30. Потому, что ты пишешь стихи
 ("Я давал себе зарок")
 (Ю.Рогов) [1]

1973 год

31. "Когда усевшись за столом"
 (Ю.Рогов) [1]
 32. "Чувства как руки в замке"
 ("Гитара разбита")
 (Ю.Рогов) [1]
 33. По-над Доном (А.В.Кольцов) [1]
 34. Застольная (П.Антакольский) [1]

1974 год

35. Солнышко (Ю.Рогов) [1]
 36. "Зашумела, разгулялась"
 (И.С.Никитин) [1]

37. Удадь и забота
 (И.С.Никитин) [1]
 38. "Отвяжися тоска"
 (И.С.Никитин) [1]

1976 год

39. А прочее, неважно (Ю.Рогов) [1]

1978 год

40. "Не весна тогда"
 (А.В.Кольцов) [1]

1981 год

41. Интересная мысль (Ю.Рогов) [1]

1982 год

42. Мастер (Д.Самойлов) [1]

1983 год

43. "Много есть у меня"
 (Русская песня)
 (А.В.Кольцов) [1]

1984 год

44. "Что-то случилось"
(Ю. Левитанский) [1]
45. "Вина мне пинту"
(Р. Бернс-С. Маршак) [1]

1986 год

46. "Шутите чаще" (Ю. Мориц) [1]

1989 год

47. "Не умирайте, старики"
(Ф. Искандер) [1]

1992 год

48. Пятеро в лодке (Ю. Рогов) [1]

1993 год

49. Весна
("Я без слез не могу")
(В. Набоков) [2]
50. Игналина (Ю. Рогов) [2]

1995 год

51. Бессоница (Н. Рубцов) [2]
52. Плыть, плыть (Н. Рубцов) [2]

1996 год

53. Сани ("Зима") (А. Жигулин) [3]

1997 год

54. "Давайте выпьем за любовь"
(Н. Сабурова, Ю. Рогов) [3]
55. "Осень" (И. Бунин) [3]

1998 год

56. "Венок" ("32 года спустя")
(В. Соколов) [4]

1999 год

57. "Отчего не ходить в походы"
(М. Семенова) [4]
58. "Поезд" (Н. Рубцов) [4]

2000 год

59. "Спой нам Палыч, Юра спой"
(Н. Сабурова, Ю. Рогов) [4]
60. Дорога (М. Семенова) [4]
61. "Я когда-нибудь стану"
(М. Семенова) [4]

* * *

Цифра в скобках указывает на:

- 1) Рогов Ю.П. Стихи. Посвящения.
Песни. Эпиграммы: Сборник.
-М.: 1992.-112 с.
- 2) Рогов Ю.П. Проза. Посвящения.
Воспоминания. Песни: Сборник.
-М.: 1995.-208 с.
- 3) Рогов Ю.П. Моя Игналина:
Сборник. -М.: 1998.-172 с.
- 4) Рогов Ю.П. Музыка навсегда:
Сборник. -М.: 2001.-264 с.

Все песни (1965-2000)
(по авторам стихов)

- Антакольский П. "Застольная" (1973)
Асадов Э. "Остров Романтики" (1966)
Бернс Р.-Маршак С. "Вина мне пинту" (1984)
Бунин И. "Осень" (1997)
Есенин С. "Королева" (1970)
Есенин С. "Колдунья" (1970)
А. Жигулин "Сани" ("Зима") (1996)
Искандер Ф. "Не умирайте, старики" (1989)
Кольцов А.В. "Кольцо" (1968)
Кольцов А.В. "Молодец удалый" (1968)
Кольцов А.В. "Ты не пой соловей" (1968)
Кольцов А.В. "Молодая жница" (1969)
Кольцов А.В. "По-над Доном" (1973)
Кольцов А.В. "Не весна тогда" (1978)
Кольцов А.В. "Много есть у меня"
(Русская песня) (1983)

- Левитанский Ю. "Что-то случилось" (1984)
- Лермонтов М.Ю. "Казачья колыбельная"
(1970)
- Молева Св. "Лес да поле" (1970)
- Мориц Ю. "Шутите чаще" (1986)
- Набоков В. "Весна"
("Я без слез не могу") (1993)
- Наровчатов С. "Эллада" (1965)
- Никитин И.С. "Зашумела, разгулялась" (1974)
- Никитин И.С. "Удаль и забота" (1974)
- Никитин И.С. "Отвяжися тоска" (1974)
- Рогов Ю. "Если бы мог я рисовать" (1966)
- Рогов Ю. "Планета юных" (1967)
- Рогов Ю. "Страна Грина" (1967)
- Рогов Ю. "Это мы поем для Вас" (1967)
- Рогов Ю. "Мечтателям" (1967)
- Рогов Ю. "Дороги" (1967)
- Рогов Ю. " Походы I"
("Поезд нас куда-то мчит") (1967)
- Рогов Ю. "Маленькое фото" (1968)
- Рогов Ю. "Снегурочка" (1968)
- Рогов Ю. "Увези меня" (1968)
- Рогов Ю. "Быть любимой" (1968)
- Рогов Ю. "Время" (1969)
- Рогов Ю. "Милая моя, нежность" (1969)
- Рогов Ю. "Поздняя зима" (1970)
- Рогов Ю. "Тайна словаря" (1970)

- Рогов Ю. "Струны на гитаре" (1971)
- Рогов Ю. "Походы II"
("Ветер шелестит") (1971)
- Рогов Ю. "Потому, что ты пишешь стихи"
("Я давал себе зарок") (1972)
- Рогов Ю. "Когда усевшись за столом" (1973)
- Рогов Ю. "Чувства как руки в замке"
("Гитара разбита") (1973)
- Рогов Ю. "Солнышко" (1974)
- Рогов Ю. "А прочее, неважно" (1976)
- Рогов Ю. "Интересная мысль" (1981)
- Рогов Ю. "Пятеро в лодке" (1992)
- Рогов Ю. "Игналина" (1993)
- Рубцов Н. "Бессоница" (1995)
- Рубцов Н. "Плыть, плыть" (1995)
- Рубцов Н. "Поезд" (1999)
- Сабурова Н, Рогов Ю.
"Давайте выпьем за любовь" (1997)
- Сабурова Н, Рогов Ю.
"Спой нам Палыч, Юра спой" (2000)
- Самойлов Д. "Мастер" (1982)
- Семенова М.
"Отчего не ходить в походы" (1999)
- Семенова М. "Дорога" (2000)
- Семенова М. "Я когда-нибудь стану" (2000)
- Серова Е. "Без нас и с нами" (1970)
- Соколов В, Рогов Ю.
"Хотел бы годы и годы" (1966)
- Соколов В. "Венок" ("32 года спустя")
(1998)

КОММЕНТАРИИ

Ряд, регулярно, раз в три года выходящих сборников (1992, 1995, 1998 гг.) пополнил в 2001 г. еще один.

Повесть, давшая название одноименному сборнику, по объему превосходит все, что до сих пор было написано автором. О качестве же судить читателю. Сборник дополняют продолжение "Воспоминаний", начатых в книге 1995 г., а также новые стихи и песни.

ВОСПОМИНАНИЯ

Продолжают описание путешествий и поездок (1995-2000 гг.). Хотя это первое продолжение, за ним, надеюсь, последуют и другие.

СТИХИ

Прежде этот раздел получил бы название "Посвящается". Здесь поэтические строки посвящены женщинам.

Первые два стихотворения написаны к 25-летию нашей с женой совместной жизни. Два сонета посвящаются Дунцевой О.А. и Ковалевой Г.И. Создание их приурочено к юбилеям этих замечательных женщин.

ПЕСНИ

"Венок"

Песня на слова В.Соколова является, по существу, продолжением песни "Хотел бы я годы" (1966), стихотворной основой которой также были стихи этого замечательного поэта. Другое название этой песни "Тридцать два года спустя" говорит само за себя. Песня написана к 45-летию брата Николая.

"Отчего не ходить в походы"

Первая песня на слова замечательной писательницы, автора чудесных книг о Волкодаве. Песня написана ко дню рождения моей жены Сони.

Поезд

Еще одна песня на слова Н.Рубцова написана ко дню моего дня рождения, 50-летию юбилею.

"Спой нам Палыч"

Песня написана на слова моего давнего соавтора, Н.Сабуровой ("Давайте выпьем за любовь"). Песня является ответным подарком автору стихотворного посвящения. Ниже приводится само посвящение.

Спой нам, Палыч! Юра, спой!
 Растревожь и успокой,
 Чтобы вздрогнула душа,
 Чтобы слушать, не дыша.
 Чудо песня! Хороша!

Свечи теплые зажжем,
 Тесно сядем за столом,
 Чтобы слушать и молчать,
 Огонек в руке держать.

Спой нам, Юра! Палыч, спой!
 Будем слушать голос твой,
 Тихо-тихо, не дыша,
 Чудо песня! Хороша...

Радуй нас! Живи 100 лет.
 Пусть прекрасный теплый свет
 Льется под твоей рукой,
 Над гитарною струной.
 Слушать будем, не дыша,
 Не остыла бы душа,
 Чудо песня! Хо-ро-ша!

Дорога

Песня на слова М.Семеновой является посвящением сыну Евгению, написана к его 25-летию.

"Я когда-нибудь стану"

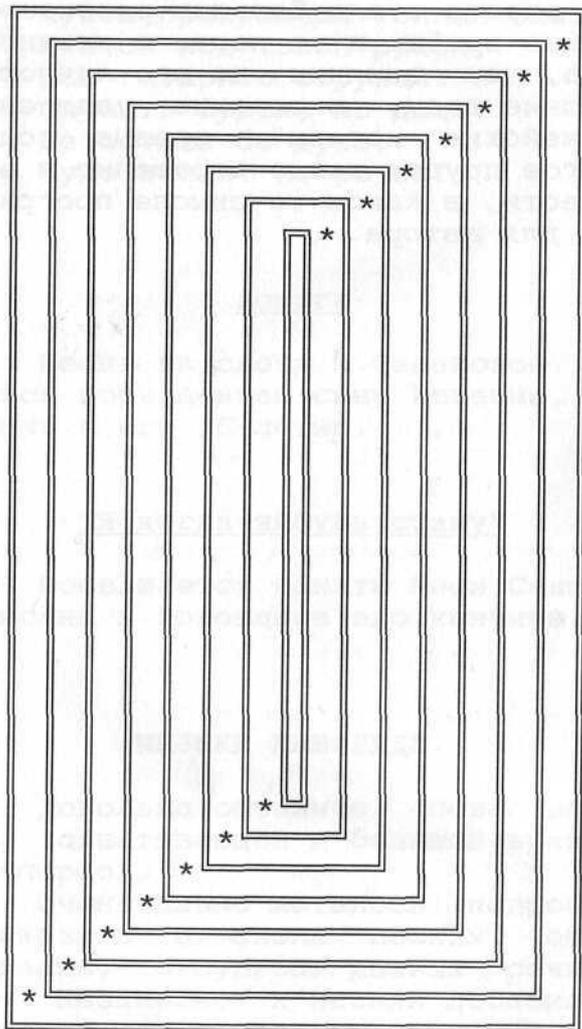
Посвящается памяти Миши Семина, написана к годовщине его кончины.

МУЗЫКА НАВСЕГДА

Довольно объемное повествование, охватывающее и большой временной период.

Очень давно хотелось подробнее рассказать о своих песнях, об их создании, о судьбах разных сочинений. Незаметно к песням добавились рассказы о музыкальных инструментах, звукозаписях, музыке в армии и т.д.

Все вместе стало большим рассказом о музыке вообще и ее месте в жизни автора, ее влиянии на его личность. Детские годы, юношеские увлечения, "армейские мотивы", зрелые годы и многое другое нашло отражение в этой повести, в каком-то смысле программной для автора.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОСПОМИНАНИЯ.Продолжение I	3
СТИХИ	35
"Как хотелось придумать".....	37
"И не даром".....	38
Сонет 1	39
Сонет 2	40
ПЕСНИ	41
Венок	43
"Отчего не ходить в походы"	44
Поезд	45
"Спой нам Палыч"	46
Дорога	48
"Я когда-нибудь стану".....	50
МУЗЫКА НАВСЕГДА	53
Вместо предисловия	55
Музыка детства	57
Первые опыты	63
"Даешь песни"	71
"Песенный обвал"	77
Песни и путешествия	87
Армейские мотивы	97
Армейские мотивы (Продолжение)..	111
Командировки, командировки	125
"Музыка отношений"	137
Мои инструменты	149
Странности второго этапа	161
Самые знаменитые выступления ...	169

Музыкальные звукозаписи	181
Время песен	189
Фильмы, концерты	197
Музыкальные пристрастия	209
Новые песни	223
Давайте прощаться, друзья?	235
Все песни	244
КОММЕНТАРИИ	254

Рогов Ю.П.

Музыка навсегда: Сборник.

-М.: 2001.-264 с.